

Незнакомец
из
подсознания

Книга 1

18+

СВЕТЛАНА ШАХОВА

Светлана Шахова

Незнакомец из подсознания. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68485445

SelfPub; 2024

Аннотация

Юная Алла, взрослея, «пробует» жизнь на вкус. В попытках отыскать собственный путь – без кумиров и лжепророков – она попадает в щекотливые ситуации, сталкивается с соблазнами, разочарованиями, трагедиями, но, преодолевая препятствия, лишь становится сильнее.

Более же всего героиня жаждет испытать и пронести по жизни настоящую любовь. В романтическом сне Алла видит незнакомца, к которому непреодолимо влечёт. Остаётся понять, существует ли он в реальности.

Редактор: Ксения Левонесова

Художник: Светлана Шахова

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	78
Глава 16	84
Глава 17	87
Глава 18	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Светлана Шахова

Незнакомец из подсознания. Книга 1

ЧАСТЬ I

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОН

“Это он!” – ликовало сознание.

“Сомневаюсь”, – шептала душа.

Глава 1

На школьный двор под бодрую музыку стремительно нес-
лась пёстрая лава форменных платьев, костюмов, портфелей
и букетов.

Праздничная суета подогревала Аллу. На парадном
крыльце вокруг десятиклассницы крутилась стайка перво-
клашек – чтецов, которых поручили собрать для выступле-
ния на торжественной линейке.

Мальчишки дёргали одноклассниц за хвостики, торчащие
из-под огромных белых бантов. Те лишь отмахивались, как
от назойливых мошек, боясь пошевелиться, чтобы не помять
накрахмаленные фартуки.

По сигналу дети построились, по очереди стали чеканить
четверостишия. Алла одобрительно кивала, но смотрела по-
верх голов – внимание привлекла чёрная «Волга» предста-
вительского класса, остановившаяся у ворот. Из неё вышла
девушка с дипломатом, зашагала через школьный двор.

Близорукость мешала Алле издалека определить учитель
это или ученица. Видела только, что та большая – высокая
и широкая в кости.

Вскоре по белому кружевному фартуку поверх коричне-
вого платья стало очевидно – старшеклассница.

«Удивительно – азиатские черты лица и такие мощные га-
бариты. Она явно выделяется из толпы», – отметила Алла,

когда девушка с налётом высокомерия на лице остановилась неподалёку от группы чтецов.

Ребята добросовестно отбарабанили стихи.

– Молодцы! – похвалила Алла. – У нас ещё минут пятнадцать. Можно разойтись. Только далеко не убегайте!

Новенькая подошла, манерно заправила за ухо длинную прядь.

– Привет! Ты, наверно, комсорг школы? – спросила таким тоном, будто все окружающие ей чем-то обязаны.

– Представься для начала, – сухо ответила Алла и, будучи ниже ростом, посмотрела «сверху вниз».

От неожиданности собеседница изменилась в лице, тон смягчился.

– Меня зовут Ира, – начала она. – Я тебя сразу заметила. Поняла, что из актива школы, а значит, всё тут выясню. Не подходить же к первому встречному в этом захолустье.

«Хм, трудно тебе здесь придётся», – подумала Алла, но заговорила дружелюбнее.

– Выходит, с нами будешь учиться? – спросила, представившись.

– Да. Где тут десятый «А» собирается?

– Смотри, вон там парни гогочут. Задирают того, что в красной кепке с полосатым козырьком. Видишь?

– Ну да. Трудно не заметить?

– Наши, – Алла улыбнулась.

– Так ты тоже из этого класса?

– Угадала. Ну всё, давай. У меня уже чтецы собираются.

Алла видела, как новенькая подошла к одноклассникам, представилась, и... осталась одиноко стоять в сторонке.

Глава 2

Иру в классе не жаловали. Её высокомерие отталкивало, а нарочито выставляемые напоказ светские манеры возводили невидимую стену, мешавшую дружескому общению. Одноклассники обращались к отличнице в крайних случаях, исключительно по делу – за подсказкой или списать.

Алла долго наблюдала, по привычке стараясь «влезть в голову». Наконец заключила, что Ира, должно быть, очень одинока, и стала относиться к ней снисходительнее.

Однажды одноклассница догнала на пути из школы. Девушки медленно побрели вдоль ровно подстриженной, ещё совсем зелёной живой изгороди.

– Куда поступать собираешься? – поинтересовалась Ира.

– Хочу на иняз. По маминым стопам, – ответила Алла и, помолчав, шёпотом добавила: – А потом смотаться бы в Европу.

– Амбициозненько! К репетиторам ходишь?

– Нет, иностранным со мной мама занимается, остальное сама. Летом семь выпускных сдавать – мозг кипит.

– Везёт тебе, – задумчиво проговорила Ира.

Алла вопросительно подняла брови.

– Ты сама выбираешь, а за меня всё отец решил. Для ответственности его статусу я, видите ли, должна поступить в Институт Международных Отношений в Москве. Представля-

ешь, какой там проходной балл?!

– А что у твоего папы за статус?

– Должность в областной администрации. Мы с Дальнего Востока приехали. Отец на Москву рассчитывал, но его сюда закинули, хоть и с повышением. В общем, рвёт и мечет! «Не могли, – говорит, – служебное жильё в элитном доме в центре города выделить. Ютимся в обычной многоквартирной пещере. Здесь даже приличной школы поблизости нет!»

Передразнив отца, Ира с досадой добавила:

– Нам с братом дружить-то можно только с его разрешения.

– Как же вы живёте?! – ужаснулась Алла.

– Сама не представляю. Сдать бы поскорее выпускные, поступить да уехать от родичей подальше.

Девушки давно прошли свою улицу и теперь сидели на скамейке в конце сквера.

– Ал, я смотрю и удивляюсь, – рассуждала Ира, – ты такая маленькая, худенькая, особенно на фоне девах с «конского двора». Короче, выглядишь как малолетка – личико бледное, стрижечка пацанская. А внутри – кремень! Во всём свою линию гнёшь. И парни тобой вон как интересуются – то один подсядет, то другой.

Алла уловила нотки зависти.

– Да брось, Ир, всё по-приятельски. А подсаживаются, чтобы списывать удобнее было. Но вообще, забавно: когда мы были малолетками, учителя девочек с мальчишками в

наказание сажали, а теперь народ сам на пары разбивается, так разгоняют...

Секретничали до самого вечера, забыв про обед и домашнее задание. Так началась дружба.

Глава 3

Как-то в конце сентября учительница по географии опаздывала на урок. Прошло уже минут десять, а её всё не было. Царил хаос: одни расхаживали по классу, другие перешёптывались, «галёрка» травила анекдоты, время от времени взрываясь раскатами хохота.

Игорь – недавно избранный комсорг, которого многие называли Гошей, – вышел к доске и, перекрывая шум звучным баритоном, предложил:

– Народ! Может, в парк двинем? Кто за?

Со всех сторон понеслись одобрительные возгласы:

– Точняк!

– Если всё уйдём – ничего не будет!

– Заскочу за гитарой!

– Резче! Резче!

– После географии ещё математика, – напомнила Ира.

Никто не обратил внимания. Собрав вещички, ребята выскочили из класса, пробежали по коридору на выход. Ока завшись за территорией школы, галдящая толпа повалила к парку.

Игорь свернул во двор, но вскоре догнал ребят. На плече у него вместе с рюкзаком болталась гитара.

Бабье лето только начиналось. Лишь листва, слегка тронутая красками, выдавала скорое приближение осени.

Ребята остановились на поляне. Побросали портфели. Кто-то уселся на мешки из-под «сменки». Другие завалились на траву и смотрели в небо, щурясь от яркого света.

Гоша раскрыл рюкзак. Слепящие блики заматались по жестяным банкам.

– Пацаны! Налетай!

– Ого! Пивко! – обрадовался Илья. – Где взял столько?

– Почистил холодильник, пока родичи на даче. Потом скинемся – верну.

Девушки, сбившись в стайку, демонстративно шептались и хихикали, стараясь привлечь внимание рядом сидящих парней. Зоя учила троих, таких же двоечников, как она, незаметно списывать. Вика рассказывала, как строчила шпоры на коленке. Илья делился планами на поступление...

Опустошив банку пива, Гоша подстроил гитару и заголосил: «Я пью до дна за тех, кто в море...»

Присоединились другие. Парни вошли в раж и, перекрикивая друг друга, проголосили ещё пару песен.

– Алк, давай теперь ты, – комсорг протянул гитару.

Все стихли, с изумлением наблюдая, как тонкие девичьи пальцы изящно переставляют аккорды и перебирают струны. Негромкий, но чистый голос завораживал неподражаемым бархатным оттенком.

Под романтическое пение Олег с Машей потихоньку удалились. Остановившись за ветвистым кустом, они пытались скрыть объятия, но редкая листва предательски выдавала.

Время летело, никто за ним особо не наблюдал. Старшеклассники наслаждались свободой.

– Ребят, а где Ирка? – вдруг спохватился комсорг, озабоченно оглядываясь. – Она что, в классе осталась?

Никто не припомнил, чтобы разговаривал с Ирой по дороге. Компания зашумела.

Мамочки с колясками поспешно сворачивали от нецензурно бранящихся парней. Сгорбленный старичок пытался сделать замечание, но, опираясь на трость, засеменял своей дорóгой, сетуя, какая наглая молодёжь нынче пошла, не то что в прежние времена.

– Слушайте! А хорошо, что этой громилы с нами нет – она бы донесла про пиво, – попробовал успокоить компанию Олег.

– Да-да, и про то, что вы с Машкой за кустами целовались, – с усмешкой добавил Илья.

– Те чё, больше всех надо? Видел и молчи!

Долговязый Олег пошёл на Илью, бывшего на голову ниже. Толкнул в грудь.

– Оборзел?! – подвыпивший парень, потеряв страх, толкнул качка в ответ.

Какое-то мгновение они стояли друг против друга, покрасневшись от внезапно вспыхнувшей злобы, потом сцепились и упали на траву.

Одноклассники окружили борцов. Сначала криками и свистом поддерживали то одного, то другого. Когда же ин-

цидент перерос в нешуточную драку, бросились разнимать. Растащили.

Игорь вернулся к прежней теме.

– Предлагаю объявить Ирке бойкот, чтоб знала, как отбиваться от коллектива, а то – строит из себя.

Со всех сторон послышались одобрителные возгласы.

– Больше никто к ней не подходит и не разговаривает. Понятно?!

Растянувшись по парку, агрессивно настроенные одноклассники обсуждали предстоящую травлю одиночки.

Алла не вступала в разговоры. Твёрдо решила не участвовать, следуя своей установке всегда быть на стороне жертвы, тем более дело касалось подруги.

Глава 4

На следующий день Алла поймала недобрые взгляды в сторону Иры, когда та вошла в класс. Никто не отозвался на брошенное ею: «Привет!»

Сосед по парте демонстративно, не сказав ни слова, пересел.

В дверях появился Фёдор Яковлевич с журналом подмышкой.

– Ну что, товарищи десятиклассники! Славно вчера погуляли? – начал с порога. – А куда смотрел комсомольский лидер, интересно знать? Ваше везенье, что Анна Степановна освободилась только к концу урока, а Татьяна Васильевна и вовсе заболела, математики всё равно бы не было. Пока об этом массовом побеге с уроков известно только учителю по географии и мне. Но, если это повторится – вызов на педсовет вам вместе с родителями обеспечен.

После пламенной речи с благополучным финалом напряжение спало. Класс взбодрился. Литература пошла по обычному плану.

Но ни на этом, ни на остальных уроках к Ире никто не адресовался. Те, с кем пыталась заговорить, с пренебрежением отворачивались.

На длинной перемене Алла не нашла её в столовой. Возвратившись в класс, обнаружила сиротливо сидящей за пар-

той: голова упала на руки, плечи конвульсивно подёргивались – подруга беззвучно рыдала.

– Ир, не плачь. Всё уладится, – стала уговаривать Алла, поглаживая по голове: раньше так успокаивали её саму – помогало.

– За что они так со мно-о-о-ой? За что-о-о-о? – прерывисто дыша, повторяла Ира. – Я никому не настучала, что все сбежа-а-али. Сказала, что сама опоздала на урок, а когда при-при-шла, в классе уже никого не было.

Немного утихнув, но всё ещё хлюпая носом, она добавила:

– Мне нельзя было с вами... Географичка задержалась, потому что долго чесала языком с моим отцом... Он заглянул выяснять, выходят ли у меня пятёрки по предметам.

Алла с облегчением вздохнула.

– Я поговорю с ребятами.

На следующем уроке к ней подсел Игорь.

– Против всех пошла? – прошептал он, перелистывая учебник.

– Отвали, придурок! – сухо бросила Алла и подумала: «Года три назад откровенно послала бы в заданном направлении».

Ей припомнилось, как на первых порах подростковый возраст кидал из стороны в сторону. Сама не понимала, как внутри уживались полные противоположности – хорошо воспитанный домашний ребёнок и уличная оторва с арсеналом похабных словечек. Знала только, что по-другому само-

утвердиться и выжить среди сверстников было невозможно. В старших классах желание становится девушкой, а не пацанкой, взяло верх. «Подзаборные» манеры стали понемногу уходить, уступая место более цивилизованным, диктуемым воспитанием. И всё же, паинькой Алла определённо не была.

– Ответишь, – не унимался Игорь.

– Хм, угрожаешь?

– Нет, просто разбираюсь.

– Ира плакала. Я стала успокаивать, хотела выпытать, что она географичке сболтнула. Представляешь – ничего. Ирка не виновата. Просто ей нельзя было с нами.

– Ну, знаешь ли, любой может эдакое сочинить.

– Не буду ничего доказывать. Знаю только – она не выдумывает. Нужно отменить бойкот.

Алла вскинула глаза, уловила строгий взгляд учителя.

– Федяев! Хватит на уроке шуры-муры разводить! Живо пересел за другую парту!

– Извиняюс-с-с, Фёдор Якльч-ч-ч, – сгримасничал Игорь.

Ухмыльнувшись, неспешно поднялся, переместился назад и продолжил шептать из-за плеча:

– Как хочешь, но другие всё равно её проучат, потому что она противная. Пусть помучается. И гляди, как бы тебе от Машки ни прилетело. Она эту громилу ненавидит.

– Ой, как страшно! Уже в штанишки наложила, – съехидничала Алла и склонилась над тетрадью.

Изображая работу над упражнением, обмозговывала, как

поступить.

Весь учебный день не отставала от подруги ни на шаг.

– Ал, спасибо за поддержку, – выйдя из школы, проговорила Ира и добавила: – Жалко, что мне к репетитору. Так тяжело. Могли бы пойти ко мне.

– А разве к тебе можно?– поразились Алла. – Вроде бы родители запрещают,

– Я рассказывала, какая у меня классная подруга. Они не против, – Ира улыбнулась. – У меня есть минут пять, давай поболтаем. Расскажи про Машку и её подруг.

– А что они? Гуляют с парнями по-взрослому. Атаманша в школе крутит с Олегом, а по выходным с другим встречается.

– Ты откуда знаешь?

– Её же «хвосты» и проболталась. На всю раздевалку перед физрой обсуждали, как месяц назад Машка с тем парнем на танцах познакомилась.

– Эти девахи чересчур взросло выглядят. Да ещё одеваются так...

– Как?

– Ну-у-у, вульгарно что ли: форма – короче некуда, туфли на каблучищах, ресницы красят. И ведь дежурные их пускают. А родители-то как позволяют в таком виде в школе появляться?

– Очнись, Ир. Кого они спрашивают? У Машки одна мама, и та с утра до ночи на работе. У Зойки батя не просыхает,

а у Вики родители пятерых детей тащат.

– Мне не понять, – проронила Ира.

Привычным жестом откинула волосы с лица. Повернулась в сторону автобуса, который тронулся с остановки.

– На кольцо поехал, через пять минут вернётся. Ну давай, до завтра!

Алла махнула рукой, побрела в сторону дома. Войдя в глубокую арку, ведущую во двор, заметила троих. «Машка с подругами», – промелькнула тревожная мысль.

Группа с угрожающим видом двинулась навстречу. Алла попятилась. Окружённая с трёх сторон, ткнулась спиной в стену.

Маша отшвырнула сигарету. Сплюнув сквозь зубы, прошипела:

– Гляжу, неймётся тебе. Чё, язык проглотила? Отвечай!

Алла оценивала обстановку. Улица пуста – помочь никому. Рассчитывать можно только лишь на себя. Страх постепенно смешивался с нарастающим гневом.

– Рот прикрой – тащит, как из пепельницы! – дерзко бросила в ответ. – И запомни: ты мне никто. Своими приспешниками командуй!

– Чё, предательница, по морде захотела?! – взвизгнула Зоя и замахнулась.

Алла ловко увернулась от пухлой руки. Рывком стянув туфлю, наотмашь врезала однокласснице каблуком по коленке. Зоя взвыла. Ухватившись за больное место, запрыга-

ла на одной ноге.

Не дав остальным опомниться, Алла с силой вдавила другой каблук в торчащие из босоножки пальцы Вики. Услышала стон и грязную брань. Боковым зрением зацепила, как побитая оседает по стене. А в лицо уже летел Машин кулак. Перехватив руку, резко скрутила за спину.

Зоя с разбитой в кровь коленкой дёрнулась было на помощь подруге, но Алла прикрикнула:

– Подойдёшь, сломаю атаманше руку! Вали отсюда!

Та приблизилась ещё на шаг. Алла надавила на согнутую кисть. Маша не своим голосом заорала:

– Зойка, делай, что она говорит, дура! Мне же больно!

Подруга застыла на секунду и поковыляла с места разборки, растирая колено.

– Сейчас отпущу тебя, станешь догонять – убью! – угрожающе прошептала Алла Маше в самое ухо, резко оттолкнула и помчалась в сторону дома.

– Стерва! – отчаянно заголосила та, растирая ноющее запястье.

Машу колотило, но не столько от боли, сколько от обиды: надо же, её – самую авторитетную девчонку – уделала какая-то интеллигентная замухрышка. Не зная, как ещё освободиться от затмившего рассудок бешенства, обернулась к подруге с воплем:

– Что разнылась?! Глядеть противно, дура безмозглая!

– Ты чё, Машка, несёшь? Я подняться не могу! Она мне

вроде палец на ноге сломала!

– Па-а-алец слома-а-ала, – передразнила Маша. – Врёшь ты всё! – и, оставив подругу, поспешила прочь.

Тем временем Алла трясущейся рукой вставляла ключ в дверной замок. Внутри всё клокотало. Однако теперь к страху и гневу добавилось приятное чувство гордости – справилась! «Вот и пригодились папины уроки самообороны. А как хорошо я блефовала! Бандитки-то поверили».

Следующим утром противницы столкнулись в школьной раздевалке.

– Алк, а ты молодчага, – вдруг сказала Маша. – Не думала, что скромницы бывают такими безбашенными. Давай так: ты никому не рассказываешь про вчерашнее, а я не трогаю Ирку.

– Идёт, – потянув, согласилась Алла и зашагала по коридору с гордо поднятой головой.

Губы непроизвольно растянулись в ехидной улыбке. «Понимаю Машку, – мелькнула мысль, – готова пойти даже на примирение с врагом, лишь бы никто не узнал о постыдном разгоне её шайки да ещё, что в потасовке самой больше всех перепало».

В классе Алла демонстративно села за парту с Ирой. Зоя прошипела в сторону подруг что-то невнятное.

– Хватит шпильки всаживать, – оборвала на полуслове Маша. – Отцепись ты уже от них. И вообще, мы тут не в детском саду.

Одноклассники недовольно зашептались, но никто не хотел связываться в открытую.

Вошла Татьяна Васильевна, приступила к перекличке.

– Кто знает, по какой причине отсутствует Игнатьева?

– Дома она. В гипсе, – с места отпрапортовала Маша.

– Весьма плачевно. Белова, это ведь твоя подружка? Не забудь передать домашнее задание, экзамен по алгебре – самый важный.

– Ла-адно, – буркнула Маша и, наклонившись к Олегу, недовольно прошептала: – Все учителя одинаковые – для каждого его предмет самый важный, а мы – учи, хоть умри.

Глава 5

Удостоившись визита в семейство подруги, Алла немного смутилась. Обычно одноклассники ходили в гости без приглашения, но тут был особый случай.

Она постояла у двери, робко тронула кнопку звонка. Открыл высокий, грузный мужчина в махровом халате до пят. «Ирин отец, не путаешь. В этом одеянии он просто барин», – подумала Алла, переступила порог, поздоровалась и сразу переключилась на женщину, плывущую по длинному коридору. «Маме, видимо, тоже не терпится меня оценить. Хм, а понятно теперь, в кого Ира такая».

Ильдар Маратович и Эмма Владимировна выглядели высокомерно, однако заговорили дружелюбно, сразу позвали за стол.

Алла стала центром внимания, но это её не радовало. Знакомство походило на допрос с пристрастием.

– Кто твои родители? – первым делом поинтересовался Ильдар Маратович.

– Мама преподаёт в школе иностранные языки. Папа – офицер, – коротко ответила Алла.

– Ты, кажется, здесь поблизости живёшь? – подхватила Эмма Владимировна. – А что у вас за квартира? Дом кирпичный или панельный?

– Обычная двухкомнатная брежневка.

– Ира говорила, ты тоже языками хочешь заниматься? В какой ипостаси: преподавать или в качестве переводчика?

Внутреннее напряжение нарастало. Алла поняла, что краткие, односложные ответы не удовлетворяют дотошных взрослых. Больше не дожидаясь наводящих вопросов, выдала:

– И то и другое. Думаю, что тяга к преподаванию у меня на генетическом уровне: папа тоже учит, только не детей, а курсантов в военном училище. Ведёт физподготовку и единоборства. Он и со мной занимается. Кстати, не только спортом. С ним я освоила шесть аккордов на гитаре. Теперь могу с ходу подобрать любую песню. Кстати, я ещё владею скрипкой и фортепиано. А вообще, родители меня не балуют. Они хоть и не коммунисты, но руководствуются идеалами: исполнительность, честность, скромность, достижение результатов в каждом деле. У нас строжайше запрещается ябедничать и жаловаться на обстоятельства. Папа любит повторять: «Доносчику – первый кнут».

– Складно излагаешь – и по сути, и по форме, – проговорила Эмма Владимировна.

На этот раз Алла не смутилась.

– Мама с раннего детства занималась моей речью, – ответила гордо.

– Ну что ж! Достойное интеллектуальное развитие на фоне скромного поведения. Вот что значит правильное воспитание в интеллигентной семье, – высокопарно заключил

Ильдар Маратович и, обратившись к дочери, добавил: – А тебе, Ирина, не мешало бы кое в чём взять пример с подруги.

Чайная церемония затянулась. В этой пародии на душевную обстановку Алла не дотронулась до сладостей, манящих коричнево-ванильными ароматами. Лишь раз отхлебнула чай. Тот оказался слишком горячим – невольно хлюпнула. Стало неловко.

Когда девушкам разрешили уединиться, Алла, выдохнув с облегчением, поспешила за подругой. Ужом проскальзывая между дорогой полированной мебелью из натурального дерева и мягкими креслами, успела заметить дефицитный хрусталь, тонкие фарфоровые сервизы, расставленные на зеркальных полках немецкой «стенки», как в музее.

На минуту остановилась у высоченных стеллажей с книгами. Окидывая взглядом тома, собранные в коллекции, аккуратно расставленные по размерам и цветам, подумала с лёгкой завистью: «Умудряются же люди успевать столько интересного читать».

В комнате Ира задёрнула плотные шторы. Щёлкнула клавишей. Мощный холодно-голубой луч вырвался из-под купола лампы, стукнулся о письменный стол и словно включил его, чтобы тот тоже светил.

Подруги принялись готовиться к завтрашней контрольной по НВП, так для краткости называли уроки начальной военной подготовки.

Из соседней комнаты донеслись звуки музыки. «Саксо-

фон!»— подумала Алла.

— Кто играет? — спросила, заглядывая Ире в лицо.

— Младший брат. Занимается в музыкалке, — без особого интереса ответила подруга и закричала: — Дэн, ты нас отвлекаешь!

— Нет-нет, он нам совсем не мешает, — запротестовала Алла.

Ира недовольно поджала губы. Дэн продолжал наигрывать: он то ли не слышал требования сестры, то ли просто сделал вид, что не слышит.

Технические упражнения сменились очаровательным мотивом в джазовом стиле.

Ира читала вслух о действиях населения в режиме чрезвычайных ситуаций, но Алла давно витала в облаках, очарованная щемящими интонациями и трепетным тембром любимого инструмента. Саксофон оставался её несбыточной мечтой.

— Давай послушаем, — предложила она, перебив подругу на полуслове.

— Что послушаем? — недоумённо спросила та.

— Музыку.

— Не успеем подготовиться, времени мало. Мне ещё физику делать. Если хочешь, иди к Дэну и наслаждайся там.

— Давай, — согласилась Алла, словно пропустив недовольную гримасу подруги. — Проводишь?

Ира молча встала. Кивком показала следовать за ней. По-

дойдя к смежной комнате, постучала.

– Что надо? – послышался недовольный басок.

– Нашёлся человек, которому понравился твой свист, Дэн, – съехидничала сестра. – Да открой же в конце концов. Я тебе слушателя привела.

Ира толкнула дверь.

– Ал, заваливайся! Он ведь сам не догадается пригласить...

Брат покраснел. Посторонился, пропуская подругу сестры в комнату.

Алла приветливо кивнула, будто вожатая пионеру. Она знала, что Дэн всего на три года младше Иры, но сейчас эта разница казалась огромной. Семиклассник на фоне десятиклассницы выглядел попросту мальчишкой. Однако значимости подростку придавал вполне сформировавшийся низкий голос.

Алла поглазела на плакаты с изображением рок-звёзд. С удивлением подумала: «Как в семье из верхушки советской элиты допускают запретные увлечения культурой загнивающего капитализма».

А вслух сказала:

– Интересно у тебя.

– Да так, обычно, – сконфуженно отозвался Дэн.

– Занимайся, я посижу тут, послушаю. Обожаю саксофон.

Дэн заиграл снова, но теперь он то и дело сбивался. Аллу не беспокоило. Из собственного опыта она знала, что упраж-

няться в одиночку и исполнять на публику – большая разница. Если же хочется удивить кого-то исполнением, то по «закону подлости» выходит обратный эффект.

«Странно, почему Ира так пренебрежительно к нему относится?» – думала Алла, исподволь разглядывая Дэна – этого стройного паренька с чуть раскосыми, но достаточно крупными медово-коричневыми глазами, и густым ёжиком светло-русых волос.

Сама она мечтала иметь брата или сестру. Думала, что тогда не нужны были бы даже подруги. Но увы...

Дэн заиграл увереннее.

«Похоже, заметил, что я «ушла в себя». Надо дать ему больше свободы», – решила Алла.

Поднялась с дивана. Прошлась по комнате. Остановила заинтересованный взгляд на грамотах, медалях и кубках в нише за стеклом.

«Ого! Да он кандидат в мастера спорта по волейболу! Кажется, я поняла – Ирка просто-напросто завидует! Брат и музыкой занимается, и спортом, и учится на отлично, и в классе с ребятами у него проблем нет».

Саксофон умолк.

– Ты тоже играешь? – спросил Дэн, аккуратно укладывая блистающий хромом инструмент на чёрный бархат футляра.

– Училась на скрипке и фоно. Ещё в седьмом классе окончила музыкалку. У тебя этот год тоже последний?

– Да, выпускную программу готовлю.

– Слушай, а давай попробуем дуэтом поиграть! Я на слух подбираю.

– Да-а?! Клёво! Я тоже импровизирую. По нотам не люблю. Когда придёшь?

– В выходные смогу.

– Отлично! – воскликнул Дэн, глаза его засветились вдохновением.

Алла вернулась в комнату Иры. Та, не подняв головы, обиженно буркнула, что уже учит физику.

– Тогда я домой. Увидимся в школе, – бросила Алла, поняв, что сейчас не время рассказывать подруге о договорённости с братом.

Глава 6

– Десятый «А», к сборке-разборке автомата готовсь! – громогласно скомандовал Павел Иванович – по обыкновению подтянутый, гладко выбритый, благоухающий одеколоном отставной офицер средних лет.

Поднимаясь из-за парты, Алла поймала на себе его лукаво прищуренный взгляд. Быстро отвела глаза и в очередной раз подметила, как одноклассники кокетничают, поправляя платья и причёски.

«Чудные, – ухмыльнулась Алла в себе, – каждая думает, что энвэпэшник делает комплименты только ей».

Один за другим ребята быстро освобождали место у стола с фрагментами автомата – выучка говорила сама за себя. Очередь дошла до Иры. Она всё сделала чётко и быстро. К удивлению, Павел Иванович велел повторить. Подчинилась.

С секундомером в руке, учитель снова и снова заставлял разбирать и собирать автомат, ссылаясь на то, что Ира не укладывается в норматив.

После десятой попытки у той на глазах заблестели слёзы. – Справилась, – со странной усмешкой пробасил Павел Иванович. – Следующий.

Дальше всё пошло обычным порядком. Закончив с автоматом, приступили к письменному заданию.

Учитель пустился рассказывать забавные, на его взгляд,

истории. Подобную методику он обосновывал тем, что в обстановке военных действий бывает много отвлекающих моментов – сторонней информации и просто шума. Чтобы чётко решить поставленную задачу, боец должен уметь сосредоточиться на главном.

Поначалу некоторые хихикали над шутками, другие цыкали, чтобы те не мешали. Постепенно класс углубился в работу.

– А вот как-то ко мне один товарищ из родителей обратился, – Павел Иванович заговорил с подчёркнутым сарказмом. – Поинтересовался, сколько денег возьму, чтобы чаду пятёрку за год гарантировать.

– А чей отец-то? Из нашего класса? – любопытствовал Игорь.

Алла уловила переход от анекдотов к действительности. Вздрогнув, бросила взгляд на учителя, потом на Иру, щёки которой пылали. Не поднимая головы, подруга на мгновение замерла, но, быстро собравшись, продолжила писать.

«Так вот зачем её отец приходил тогда в школу! Выяснял, кому и сколько заплатить, чтобы вышел отличный аттестат», – пронеслось у Аллы в голове.

Пробежалась глазами по классу. Убедилась, что ребята не отреагировали.

– Тебе не всё равно? – бросила в сторону Гоши. – Хватит болтать, скоро звонок, не успеем дописать.

– Отставить разговорчики! – скомандовал учитель.

Вопрос Игоря повис в воздухе. Павел Иванович, казалось, был вполне удовлетворён и снова перешёл на анекдоты.

Алла выдохнула, хотя и понимала, что теперь он не оставит Иру в покое, и до конца учебного года та будет объектом издёвок и насмешек. Да и одноклассники могли снова ополчиться.

Саму Аллу откровение потрясло, но она искренне сочувствовала подруге, понимая, что та не в ответе за действия родителей.

После урока в коридоре Игорь задиристо крикнул:

– Ирк, не твой ли предок к энвэпэшнику приходил?

– Может, твой? – отфутболила Ира, продолжая идти с гордо поднятой головой и показывая всем видом, что Гоши с его дурацкими вопросами для неё не существует.

Алла единственная знала, что одноклассник нравится Ире с первого дня знакомства, и что она просто мечтала о дружбе, но тщательно скрывала.

Игорь был отличником. Иногда девчонки из зависти называли его зубрилой, но он только шутил в ответ. Учёба давалась легко. На контрольных он успевал решать сразу несколько вариантов – для себя и для тех, кто оказывался «в затруднительном положении».

Шебутного, добродушного Гошу класс выбрал комсоргом не за какие-то образцовые качества, а лишь потому, что тот умел сам вывернуться из любой сложной ситуации и вытащить остальных.

Алла Гошу не понимала. Он так нелепо вёл себя с ней. Часто подсаживался, но вдруг, ни с того, ни с сего отпуская дурацкую шутку. Алла, затаив обиду, замыкалась. А на перемене Игорь как ни в чём не бывало подходил и предлагал вместе позаниматься химией.

Едва успокоившись, Алла получала новую порцию мальчишества в свой адрес: какую-нибудь кличку, безобидную со стороны, но неприемлемую для себя. Такие «качели» в поведении одноклассника выбивали из равновесия.

Не раз Алла решала, что вообще перестанет общаться с Гошей. Но тот подходил, весело заговаривал или, как обычно, решал за неё задачи.

Вот и теперь он, подмигнув Алле, бросил:

– Не связывайся с Ирккой, она дутая отличница. Лучше останься после уроков – физику объясню, – усмехнулся и, весело насвистывая, пошёл своей дорогой.

Глава 7

В один из дней перед уроком Алла разложила на подоконнике учебники, принялась повторять правила по русскому языку. Неподалёку Машины подруги обсуждали, что та подхватила простуду и уже четвёртый день валяется с температурой.

«А вот и дружок. Нарисовался перед последним уроком», – подумала Алла, заведя Олега, твёрдо шагающего по коридору.

С растянувшейся до ушей улыбкой тот примкнул к кучкующимся в ожидании звонка одноклассникам.

Алла оказалась совсем рядом. По нервным рукопожатиям поняла, что Олег старается сдерживаться, но не может побороть распирающих эмоций.

– Машку навещал. Фрукты носил, – пустился он в объяснения.

– Чё делали? Четыре часа апельсины жевали? – усмехнулся Гоша.

– Музыку слушали. Ну-у-у, и всё такое...

Олег неожиданно перешёл на шёпот. Ребята сплотились вокруг.

Кроме первых фраз, Алла ничего не слышала, но прекрасно понимала, о чём речь.

Головой она не принимала интимной близости до сва-

дбы. Однако природа брала своё, многократно усиливая интерес к сладкому запретному плоду. Любые упоминания о свиданиях будоражили воображение. Ведь под внешней скромностью скрывались сильнейшие чувственные порывы. А дремлющие до поры женские возможности готовы были проснуться в любой момент, накрыть с головой и утащить в пучину.

Сейчас, когда Алла стояла неподалёку от группы парней, обсуждающих недавний интим, воображение рисовало одну за другой эротические картины. Постепенно те начали приобретать речевые очертания, даже понемногу рифмоваться:

«Шторы задёрнуты наглухо.

Вяло светит в углу ночник.

Губы к телу трепетно тянутся,

До сближения – только миг...»

Вдохновение натолкнуло не мысль: «Так можно и поэму сочинить!»

После уроков Алла почти бежала домой.

Ворвавшись в квартиру, бросила портфель в прихожей. Побежала на кухню. Налила чая, отломил гребешок «городской» булки, намазала маслом. Приготовленный на скорую руку обед захватила в комнату.

Откинув в сторону блокнот с собственными стихами, взяла первую, попавшуюся под руку, чистую тетрадь.

«Она должна отличаться от других. Как это сделать? Точно! Обрежу край – станет узкой, тогда будет не спутать».

Не прошло и пяти минут, как набор поэта был готов.

Слова с лёгкостью рифмовались. Сюжет о молодожёнах, сидящих за свадебным столом, но мечтающих поскорее уединиться и вкусить прелести первой брачной ночи, захватил настолько, что строки, казалось, вытекали на бумагу из ручки вместе с чернилами.

Жених и невеста, стол, гости, под звон бокалов беспрестанно выкрикивающие: «Горько!», побег молодых в гостиничный номер – всё это Алла набросала «крупными мазками», не стала затягивать.

И вот оно – таинство. Картины и чувства в мельчайших подробностях: бесконечно долгий, страстный поцелуй, фантастическая прелюдия, трепетное слияние тел, финальный экстаз и... умиротворённый сон в любовных объятиях.

Поставив последнюю точку, юная поэтесса вздрогнула от внезапно раздавшегося в тишине звонка. Сунула рукопись в нижний ящик стола под кучу учебников, побежала открывать.

– Какой-то у тебя нездоровый румянец. Не температура, случайно? – взволнованно спросила мама.

– Всё нормально. Уроки учила, – бросила Алла, чмокнула в щёку и убежала к себе.

Написав поэму в стихах на одном дыхании, она внезапно почувствовала изнеможение. Чай остыл. Горбушка с маслом осталась нетронутой. Алла начала суетливо поглощать её, не замечая вкуса. Тем временем решала, что же теперь делать

с новоиспечённым сочинением. Показать его она не могла никому, даже Ире. «Оставить для себя? Ждать кого-то, с кем можно будет поделиться? А что будет, если тетрадь случайно найдут родители?» – вопросы всплывали один за другим, но зависали без ответа.

Алла принесла из прихожей портфель, вытряхнула на стол учебники и почувствовала, что сил на домашку не осталось. Легла в постель, первый раз изменив привычке готовить одежду с вечера.

Её моментально поглотила беспросветная мгла. Но вскоре уступила место прерывистому сну. В каждом из обрывков всплывал один и тот же незнакомый образ. Лицо не было отчётливо видно – парень маячил вдалеке: то мелькал за деревьями, то мчал на коне, то приветливо махал рукой, стоя на мосту. Аллу неудержимо влекло к этому юноше.

В какой-то момент показалась, что незнакомец окончательно затерялся среди прохожих. Но огромная толпа неожиданно расступилась, и Алла увидела, что тот идёт навстречу, ускоряя шаг. Земля проскальзывает под ногами, не давая приближаться, и вот он уже бежит... на месте.

Отчаяние перебило восторг и вернуло в реальность. Алла долго не могла прийти в себя, впечатлённая не столько незнакомцем, сколько чувствами, охватившими при его появлении.

«Что бы это значило? Я никогда подобного не испытывала. Вот бы такое случилось наяву», – мечтала она, собираясь

в школу, потом вечером за уроками и даже на другой день.

Глава 8

Воскресное утро Алла начала с давно забытого занятия на скрипке. Всю предыдущую неделю размышляла о договорённости с Дэном и теперь, прежде чем идти, решила подобрать репертуар.

В комнату заглянула удивлённая мама: «Аллочка, ты с начала учебного года не извлекла ни единого музыкального звука! Что случилось?!»

«Блям-блям, блям-блям», – пропел входной звонок, будто желая присоединиться к мелодии скрипки, но ему было не суждено продолжить – дверь открыли.

– Доча, к тебе Ира! – крикнула мама уже из прихожей.

Алла вышла, бережно держа в руке инструмент.

– Занимаешься? – спросила подруга, проходя в комнату. – Пойдём ко мне, поболтаем. Родители интересуются, почему давно у нас не была. И Дэн говорит, ему что-то обещала.

– Да, Ир, я как раз собиралась. Посиди пока, музыку послушай.

Алла покрутила ручку катушечного магнитофона. Заметив, как подруга, поджав ногу, ёрзает в стареньком кресле, добавила:

– Конечно, мебель у нас, как ты выражаешься, совковая. Отличается от ваших набивных турецких диванов с большими обтянутыми пуговицами. Но уж какая есть.

Ира виновато притихла.

Зазвучала рок-баллада.

– Алк, катушки так размеренно крутятся, прям гипноти-зируют. Тебе эта коричневая магнитная лента не напоминает шоколадную заливку? Она как будто тает в одной бобине и медленно перетекает в другую. Лизнуть хочется.

Алла согласно закивала.

– А знаешь, – проговорила Ира, отрешённо глядя в пусто-ту, – и пусть кресло не такое удобное, но как же у вас хо-рошо. Никто не кричит, никто ничего не требует. Замучила меня эта беспросветная учёба, постоянный недосып да ро-дичи, что без конца давят.

– Не раскисай, подруга! А ну, давай, взбодрись! Пошли быстрее, тебя, наверное, домашние уже потеряли.

Ира, сопротивляясь всем видом, встала и поплелась в при-хожую.

– А это ещё зачем?! – удивлённо воскликнула, когда Алла подхватила футляр со скрипкой.

– Дэну обещала кое-что показать.

– Опять не даст нам поболтать, – пробурчала Ира, отбро-сив волосы назад жестом, всегда сопровождающим её недо-вольство.

До соседнего двора шли молча: у одной в голове звучали мелодии, другая злилась на вселенскую несправедливость, мечтая поскорее куда-нибудь поступить, чтобы её все оста-вили в покое.

Дверь открыл Дэн. Бросив взгляд на футляр в руках Аллы, просиял. Появилась Эмма Владимировна. Предложила чаю. Алла вежливо отказалась, им с Ирой хотелось посекретничать.

Уединившись, подруги принялись обсуждать дурацкие выходки Гоши. Не прошло и пяти минут, как в комнате, одновременно со стуком, появилось лицо Дэна.

– Посижу с вами?

– Не-не-не! Нечего тебе со взрослыми делать, – взвизгнула Ира.

Брат хлопнул дверью.

Подруга с довольным видом принялась за влюблённую парочку одноклассников.

Ей было интересно узнать хоть какие-то подробности последних событий. Но лишь речь зашла о появлении Олега в тот день в школе, как в соседней комнате зазвучал саксофон.

– Ир, я обещала Дэну сыграть на скрипке. Он всё равно не даст нам спокойно поговорить. Пойдём вместе, потом ещё поболтаем.

Подруга недовольно поморщилась.

– Плохая затея, но давай. От него всё равно не отвязаться, упёртый как баран.

В соседней комнате Ира с профессорским видом уселась на белый кожаный диван и, забросив ногу на ногу, дала знать, что готова слушать.

Алла достала скрипку, подстроила под саксофон. Зазвучала мелодия. Дэн попробовал импровизировать. Дуэт не клеился. Ира принялась гримасничать, но Алла не замечала. С головой погружённая в музыку она пыталась выстроить инструментальный диалог.

Исполнение становилось всё более гармоничным. Алла так увлеклась, что не заметила, как подруга вышла из комнаты.

Дэн, напротив, обратил внимание на демонстративный жест сестры. Понял, что предстоит очередная ссора. Но его это ничуть не остановило. Он наконец-то осознал, для чего были нужны многолетние труды по овладению инструментом.

Совсем рядом изящное существо ловко меняло положение пальцев на грифе без ладов, при этом из-под смычка, грациозно летающего по струнам, фонтанировало музыкальное волшебство.

Скрипка то источала страдания неразделённой любви, то выплёскивала лучезарные струи радости и вдохновения. Саксофон вторил тёплым тембром с хрипотцой. Поддерживал, обрамлял витиеватыми пассажами, время от времени падающими и вновь неожиданно взрывающимися в беспредел.

Феерия звуков и эмоций поглотила всё существо начинающего музыканта. В эти мгновения он мечтал, чтобы это не кончалось...

– Просто кла-а-асс, – тихо протянул Дэн, когда под пальцами растаял последний трепещущий звук.

Алла поддержала улыбкой.

– Теперь всегда бери с собой скрипку.

– Ты же знаешь, у меня выпускной класс, много подготовки. Но как-нибудь ещё обязательно поиграем, – пообещала Алла и вернулась к Ире.

– Так на чём мы остановились? – спросила подругу, не повернувшую головы.

– Уж и не помню. Это было так давно, – язвительно отозвалась та.

– Да не сердись ты! Давай поболтаем!

Алла принялась тормошить Иру, дурачиться, строить перед носом рожицы. Та наконец рассмеялась.

Заговорили об инциденте на уроке НВП.

– Зря отец к энвэпэшнику пошёл. Теперь придётся всё зубрить, чтобы придраться не к чему было, – заключила Ира после долгих рассуждений.

– Вот прямо сейчас и начинай, а я домой – английский ждёт.

В прихожую вышла Эмма Владимировна.

– Аллочка! Как же ты превосходно играешь! Мы с отцом в восторге от вашего с Денисом дуэта!

– Спасибо. Рада, что вам понравилось, – ответила Алла, смущённо опустив глаза от непривычно бурной похвалы, и поспешила удалиться.

Глава 9

На истории Алла с интересом наблюдала, как одноклассники, открыв рты, слушают лекцию о борьбе с религией в годы становления Советской власти. Учитель с рвением декларировал своё согласие с расстрелом священников и подрывом православных храмов.

«Зачем он так кипитится, отстаивая позицию неверия? – поражалась Алла. – Все давно уже маршируют под знамёнами коммунизма. Любому ребёнку известно: поп – это смешно, церковь – то, что давно пора снести, креститься и молиться – пережиток прошлого. А взрослый человек, пусть только рот откроет, что Бог есть, сразу с должности слетит, статусность долой, презрение общества гарантировано».

Постепенно мысли ушли в сторону семьи, где взгляд на религию был единственным камнем преткновения. Иногда мама аккуратно говорила о Боге, но всякий раз встречала жёсткий отпор со стороны папы.

Взрослея, Алла больше прислушивалась к маминым доводам. Как-то в разговоре по душам та рассказала, что, будучи в оккупации, бабушка постоянно читала молитвы, по выходным вместе с детьми отправлялась в церковь. И всегда была совершенно уверена, что только благодаря Божьей помощи никто из семьи не погиб в те страшные годы.

Алла стала чаще просить маму рассказывать, как случай-

ные на первый взгляд события при ближайшем рассмотрении оказываются звеньями одной цепи, созданной какой-то могучей, неведомой силой.

Однажды за ужином спросила:

– Мам, а меня при рождении крестили?

– Нет... Нельзя было.

– И сейчас запрещено. И правильно. Незачем «опиум для народа» распространять, – убеждённо процитировал папа.

– А я хотела бы креститься, – продолжила Алла.

– Только через мой труп! – отчеканил отец, подтвердив мнение грозно сползшимися к переносице бровями.

Это расхожее выражение упоминали по делу и без дела все подряд. Но Алла заметила, что мама вздрогнула.

– Меня тут же со службы уволят, – сурово продолжал отец. – На гражданке-то опасно, а в армии так подавно церемониться не будут.

Тот диалог на кухне преследовал Аллу с начала осени, а сейчас всплыл, отозвавшись уколом.

– Покровская! Отвечай! – откуда-то извне донёсся голос историка.

– Извините, не расслышала вопрос, – промямлила Алла очнувшись.

– В следующий раз поставлю два в журнал. Похоже, десятый «А» полагает, что апрель – самое время портить себе аттестаты!

В целом школьный день задался. Алла с Ирой возвращались домой, радостно обсуждая пятёрки за контрольную по военной подготовке, зачёты по физике, отлично сданные диалоги по английскому.

На подходе к дому Алла заметила у своего подъезда машину скорой помощи.

– Ир, – голос дрогнул, – пойду побыстрее, вдруг это к нам.

– С чего ты взяла? В подъезде пятнадцать квартир.

– Ни с чего не взяла, просто пойду. Что-то беспокойно.

Алла побежала к дому. Взлетела на четвёртый этаж. Запылавшись, остановилась, достала из рюкзака ключ. Заметила, что дверь приоткрыта. Толкнула плечом, вбежала. Из прихожей увидела: в комнате на диване лежит отец, врач производит какие-то манипуляции, рядом белая как полотно мама еле держится на ногах, оперевшись о спинку стула.

– Что с папой? – испуганно зашептала Алла.

– Девочка, тише. У нас тут сердечный приступ, – буркнул врач.

В подъезде затопали. Вошли санитары с носилками.

– Доктор, может быть, его дома полечить? – с мольбой простонала мама.

– Только госпитализация! Как можно скорее! – ледяным тоном ответил врач и, обратившись к санитарам, распорядился: – Больного в машину!

Дрожащими пальцами Екатерина Михайловна достала из комода документы, затолкала в сумочку. Слегка опираясь

на худенькую руку дочери, пошла к машине, ссутулившись, будто под тяжестью груза.

Алла плыла как в тумане. «Папочка! Мой милый папочка! – накатывало внутри. – Ты же за здоровый образ жизни. Гордишься, что в ведомственной поликлинике нет ни одного обращения по болезни, а в карте лишь отметки о прохождении плановых медосмотров. Что же случилось? Что будет с нами? Кто будет оберегать нас с мамой от излишних забот и переживаний, пока тебя лечат?»

В госпитале МВД отца на каталке увезли в реанимацию. От Екатерины Михайловны в приёмном отделении потребовали лишь его документы.

– Всё. Поезжайте домой. В палату вас всё равно не пустят. Вот телефон, звоните завтра, – сказала медсестра, завершив формальности с бумагами.

Алла ладонью свезла со стола визитку. Подняв обессилившую от страха и волнения маму, повела к выходу.

Пахнуло прохладным весенним воздухом, дышать стало легче. Добрались до остановки. Пришёл почти пустой автобус. Ехали молча.

– Аллочка, пожалуйста, принеси аптечку и стакан воды, – слабым голосом попросила мама, как только вошли в квартиру.

Выпитые одна за другой три таблетки успокоительного дали незамедлительный эффект. Екатерина Михайловна, едва

добравшись до дивана, легла прямо в платье и тут же отключилась.

Алла передвигалась как в забытии. Головная боль гвоздём впивалась в затылок, дополняя и усиливая душевные муки. Держась за стену, страдальца дошла до соседней комнаты, стащила с дивана большую подушку, которая сейчас казалась неподъёмной. Вернувшись, заботливо подсунула маме под голову. Так, в чём была, легла рядом, прижалась.

Представила, как врачи колдуют над больным, как завтра они с мамой поедут в госпиталь навещать папу, как тот снова будет весело шутить...

С этими мыслями Алла провалилась в тревожный, беспокойный сон.

Глава 10

В семь утра прозвенел будильник.

– Ты куда? – встревоженно спросила Алла, наблюдая, как мама причёсывается, закутывается в шаль, в которой обычно выбегает на улицу.

– Звонить... В госпиталь...

– Подожди, я пойду с тобой.

Вскочила с дивана. В прихожей натянула сапоги на босу ногу, накинула пальтишко с капюшоном. Сунула руку в карман и, достав визитку, протянула маме.

Ближайшая телефонная будка словно срослась с торцом дома. Алла с трудом открыла тугую железную дверь, придержала, позволив маме пройти внутрь. Та сняла трубку, опустила монетку, суетливо вращая диск, набрала номер. Послышались длинные, заунывные гудки. Ответа не последовало. Дрожащей рукой Екатерина Михайловна нажала на рычаг. Повторила снова. Гудки возобновились. Напряжение нарастало. Наконец на другом конце провода ответил женский голос:

– Госпиталь МВД.

– 3-3-здравствуйте! Скажите, пож-ж-жалуйста, как чувствует себя Покровский? – запинаясь от волнения, спросила Екатерина Михайловна. – Его при-при-везли в реанимацию... Вчера вечером.

На мгновение повисло молчание. Потом Алла снова услышала на том конце голос, но он стал тише, невозможно было ничего разобрать.

Лицо мамы побелело. Трубка выпала из руки и, коротко пикая, закачалась на металлическом проводе. Екатерина Михайловна припала к стеклянной стене, начала медленно съезжать вниз, не в силах удержаться на слабеющих ногах.

Алла бросилась, желая подстраховать.

– Мамочка! Что с тобой?! Что с папой?!

– Его больше нет, – еле шевеля губами, прошептала та.

– Как нет?! Что ты говоришь?!

– Он умер... – произнесла Екатерина Михайловна и потеряла сознание.

Признание прозвучало для Аллы как приговор. Разум сопротивлялся, не хотел принимать случившегося.

«Папа умер... Умер... Умер... Нет – это неправда!» – стучало в голове, отзываясь дикой болью.

Мама как будто сразу постарела. Безвольно свесив руки, она без чувств сидела на полу телефонной будки. Рядом валялась визитка.

Не помня себя от отчаяния, Алла выскочила на улицу.

– Помогите! Пожалуйста! Пожалуйста! Кто-нибудь! – закричала неистово.

Подбежали двое прохожих, подхватили Екатерину Михайловну под руки, подняли, поставили на ноги. Предложили вызвать скорую. Вяло мотнула головой.

– Мамочка, мамочка, я с тобой... – как в бреду, шептала Алла, стараясь хоть как-то поддержать, пока та, опираясь на провожатых, отрешённо шла до подъезда, потом – до квартиры...

Три последующих дня Алла смотрела на всё вокруг, как сквозь мутное стекло. Суэта: организация похорон, траурная процессия, кладбище, глубокая яма, куда под душераздирающую музыку опускают гроб, венки, опоясанные чёрными лентами, море цветов и слёзы, слёзы, слёзы...

Поминки: родственники, друзья-сослуживцы, соседи. Говорят много добрых слов о папе. Ещё больше выпивают. Вскоре начинают болтать между собой о разном, а потом и вовсе забывают, зачем собрались: обсуждают ремонты, планы на отпуск...

«Скорее бы всё это закончилось».

И вот опустевшая квартира. Две родные души: растерянные, в один миг лишившиеся опоры, совершенно опустошённые и обессиленные от свалившегося горя.

Алла упала в мамины объятия. Ощутила нежное поглаживание по голове.

– Милая, да у тебя седые волосы! Много седых волос! Маскируются под белокурую шевелюру, но вблизи видны...

В этом отчаянном всплеске Алле открылось, насколько мама чувствует её горе – горе дочери, в одночасье утратившей любимого отца.

Самый родной человек на свете тихо плакал, но Алла не могла успокоить – из её глаз горячими ручьями тоже текли слёзы.

Долго-долго сидели, обнявшись.

Мама выпила успокоительное. Легла на диван. Алла села рядом.

– Дочка, ничего не бойся – мы с тобой справимся, – голос прозвучал неожиданно спокойно и убедительно. – Ты сдашь экзамены, поступишь в институт. Встретишь свою любовь и будешь счастлива.

– Мам, я хочу креститься, – твёрдо сказала Алла. – Помнишь те слова папы?

– Да. Я тогда сильно испугалась... Молила, чтобы они не стали пророческими... Нельзя было так испытывать Бога...

Она закрыла лицо руками, но сдержала слёзы, не желая, чтобы страдание передалось дочери. Через мгновение глаза прояснились, по лицу скользнуло подобие улыбки.

– Обязательно подумаем, как тебя окрестить, – пообещала, крепко обняв дочь.

Глава 11

Тиски горя сжимали намертво. Алла боялась, что мысль о трагедии будет преследовать всю жизнь, не ослабевая. «Так с ума можно сойти! – в ужасе думала она. – Надо как-то отвлечься. Хорошо, что завтра в школу – это, как спасательный круг».

Утром, войдя в класс, Алла читала на лицах ребят искреннее сочувствие. Но такое здесь случилось впервые, и, судя по всему, одноклассники не знали, как себя вести. Алла заметила, что некоторые, уловив её взгляд, опускали глаза. Другие подходили, осторожно заговаривали, пытаясь отыскать нейтральные темы.

Игорь, подвинув Илью с законного места, сел с Аллой. Она не возражала. Видела, что тот старается её расшевелить.

Гоша зашептал, как на днях Олег на географии Австрию с Австралией перепутал. Однако история не показалась Алле забавной. набросок карикатурного портрета учительницы на салфетке, стянутой из столовки, тоже не впечатлил, оказался нелепым.

Надломленная смертью отца, Алла за эти дни почувствовала себя намного взрослее, серьезнее. Забавы Игоря больше не трогали, ребячество казалось странным. Но всё же она была благодарна ему за человеческую заботу, которая помогала хоть немного отвлечься от гнетущих мыслей.

Усилием воли Алла попыталась углубиться в учёбу. Когда поняла, что это удаётся, приободрилась. Пропущенного материала оказалось немерено. Теперь, чтобы всё наверстать, требовалась полная концентрация.

– Ир, можно, приду к тебе домашку делать? У себя в квартире тяжело, – спросила после школы.

– Конечно, приходи! – обрадовалась подруга. – Родители на работе, Дэн на тренировке. В тишине поучим... Хм, так пойдём сразу!

Дома Ира разогрела обед. Накрыла на стол.

Сидя в уютной кухне, Алла рассказывала, как всё происходило. Подруги тихо плакали.

– Знаешь, Ал, я всегда завидовала, что у тебя такие родители, – проговорила Ира, утирая слёзы. – Какие лыжные походы твой папа устраивал! Я однажды тоже с вами была, помнишь? Я-то никогда не забуду! А всей семьёй – на каток! А каждое лето – на море! Даже к йоге он тебя приобщил?

– Ты откуда знаешь? – встрепелась Алла.

– У тебя около магнитофона увидела стопку фоток с упражнениями.

– От долгого сидения за уроками шею защемляет... Папа принёс комплекс «Крокодил»... – начала оправдываться Алла, зная, что заграничные духовные практики под запретом.

– Да ты не переживай. Никому не скажу. Я от твоих родителей балдею. Мои вот только в учёбу носом тычут...

– Зря ты так, Ир. Они о тебе тоже заботятся, – чуть слыш-

но прошептала Алла, глаза её снова наполнились слезами.

– На тебя и голос никогда не повышают, а мне даже ремнём прилетало. Вот скажи, тебя хоть раз били? Ты ж далеко не идеальная. Да и в детстве не всегда же слушалась, бедокурила, небось, как все?

– Нет, не били. Мне тихим голосом строго говорили что-то вроде: «Не делай так, а то будешь наказана и сидеть в своей комнате одна». Я не понимала, что значит «будешь наказана», но представляла огромное чудовище, которое может броситься и разорвать на мелкие кусочки. И вот, чтобы от него спрятаться, изо всех сил старалась выполнять все требования. Так научилась понимать родителей с полуслова, даже со взгляда.

– Всё равно ж бывало что-то не так. Что тогда?

– Ну да, оставляли в комнате одну. Не разговаривали и вообще не замечали, будто меня не существует. До сих пор – это мой самый большой страх.

– Что именно?

– Изоляция. Тогда – в детстве – мир просто рушился. Я плакала и думала, что больше никому не нужна; мечтала, чтобы со мной оказалась бабушка или чтобы куклы стали живыми – уж они-то точно меня любят и жалеют.

Алла грустно улыбнулась от воспоминаний о наивных детских желаниях.

– В общем, чувствовать себя одинокой – самая страшная катастрофа.

Ира помолчала в задумчивости.

– Ну, уж лучше так, чем ремнём, – заключила твёрдо.

– Хм, даже поверить не могу, что такие интеллигентные люди, как твои родители, способны детей ремнём воспитывать.

– Ещё как. Чуть что не по ним – отец сразу за коньяк, а потом давай нас с Дэном гонять.

– А мама?

– А что мама? Верещит, что мы неблагодарные! Они для нас из кожи вон лезут – всё покупают, а мы даже учиться не хотим, как им надо.

– Мрак какой-то! А разве Ильдар Маратович пьёт? – удивилась Алла.

– Не то чтобы пьёт, но коньячок каждый вечер потягивает. А твой отец совсем не пил? – спросила Ира, заваривая травяной сбор в пузатом фарфоровом чайнике.

– Только по праздникам. Родители приглашали друзей, или мы в гости ходили. Детям всегда накрывали в соседней комнате. Мы только тосты слышали, но как взрослые выпивали – не видели. В настольные игры играли или во дворе бегали.

Щёлкнул замок. Хлопнула дверь.

– У нас гости?! – донёсся из прихожей радостный возглас. На ходу скидывая куртку, в кухню вбежал Дэн.

– Чай ещё не пили? Отлично! Я – с вами!

– Ты же с тренировки! Пообедай сначала, – на правах

старшей настоятельно проговорила Ира.

Но брат уже достал с полки огромный именной бокал. Следом на стол отправились две ажурные чашки из тонкого фарфора, куда смачно заструилась свежая заварка. Кухня наполнилась терпкими ароматами мяты и смородины.

Дэн вытащил из холодильника слоёный черничный торт. Большими треугольниками разложил на десертные тарелки от того же сервиза, что и чашки с чайником.

– Как красиво сервировал, – отметила Алла, любуясь нежно-розовыми цветами по краю посуды. – А кто у вас печёт?

– Мама, – ответил Дэн. – Ирка тоже умеет, но ей некогда, она всегда зубрит.

– Да заткнись ты, – цыкнула сестра.

Он не отреагировал. Подвинул торт ближе к Алле.

– Попробуй, как вкусно.

Слушая весёлую болтовню Дэна и наблюдая за его короткими безобидными перепалками с сестрой, Алла думала, как здорово иметь друзей – таких открытых, понимающих, способных к состраданию. Жизненные силы потихоньку возвращались, как и решимость, воплотить все свои планы. И не только ради себя, но и для мамы – ведь только так можно её поддержать.

Алла встала из-за стола.

– Ребят, спасибо! Вы такие классные! Жаль, что не успели ничего поучить. Надо домой, скоро мама с работы придёт, не хочу её одну оставлять.

– Я провожу, – сказал Дэн, выходя из кухни следом.

– Только потом сразу домой, наши тоже скоро заявятся, – предупредила Ира.

Алла решительно отказалась.

– Нет, нет! Я сама дойду, – сказала твёрдо, обняла подружку, помахала Дэну и торопливо вышла.

Улица без снега и фонарей казалась беспросветно тёмной, но внутри у Аллы было светло.

Она размышляла о семье. Переполюняло чувство гордости, смешанное с изумлением от того, какой внутренней силой, оказывается, обладает её мама.

Раньше Алла была уверена, что мамино предназначение было исключительно в создании чего-то возвышенного. Тёплое спокойствие дома, увлекательная атмосфера на работе – всё это возникало с маминым появлением.

Где бы ни оказывалась, она украшала жильё самодельными диковинными статуэтками, оригинальными вазочками, подушечками, вышитыми цветными нитками и бисером.

Алла бывала на маминых уроках немецкого, организованных, как театральные представления. А ещё вся школа пела под её аккомпанемент на старинном пианино с канделябрами.

На папе в семье висела техническая часть. Он любил повторять: «Женщина в доме для красоты и уюта. Мужчина же должен брать на себя всё самое тяжёлое, чтобы оно случайно не упало и не придавило красоту».

И вот теперь, когда папы не стало, всё то – тяжёлое – свалилось на маму, такую воздушно-неземную. Но, вопреки ожиданиям, не придавило, а вскрыло заdraенные шлюзы подсознания мощным потоком новых возможностей, спря-
танных до времени так глубоко, что о них не подозревала даже она сама...

«Успела!» – подумала Алла, взглянув на угловые окна четвёртого этажа, чернеющие пропущенными ячейками на ярком полотне светящейся мозаики.

Глава 12

В ожидании празднования Дня Победы школа бурлила. Коридоры украшались Георгиевскими ленточками, букетами из искусственных цветов, сделанных на трудах. Активисты готовили специальные выпуски стенгазет.

На литературе Фёдор Яковлевич, поправляя пальцем круглые очёчки, постоянно съезжающие на кончик носа, торжественно объявил:

– Товарищи десятиклассники! Сегодня пишем сочинение на тему «Война и моя семья». Работа конкурсная. Победитель получит право на участие в региональной олимпиаде по русскому языку и литературе. Если же и там зарекомендует себя с хорошей стороны – получит дополнительные баллы при поступлении в институт.

Класс недовольно загудел.

– Знать бы заранее, подготовились бы получше, – выкрикнул Игорь.

Фёдор Яковлевич не отреагировал.

– Приступаем, приступаем! У нас только два академических часа, – поторопил он.

Алла давно ждала этого урока. Не терпелось рассказать о близких, ставших непосредственными участниками тех далёких страшных событий.

Быстро сосредоточившись, она стала описывать бесчис-

ленные бабушкины истории о жизни семьи среди поляков в Бресте от начала до конца войны, куда она – бабушка – с детьми на руках отправилась вслед за мужем офицером. О бомбёжках фашистов, о связи с партизанскими отрядами.

«...Заканчивался насильственный вывоз советских людей в Германию. Дом, где жила бабушка со своими тремя малютками, был последним на улице. Выйдя во двор, она обняла детей и, смело глядя в глаза вооружённому до зубов фашисту, заявила:

– Никуда не поедem! Стреляй всех здесь! Умирать, так на родной земле!

Поражённый и обескураженный храбростью русской женщины немецкий офицер замешкался и через полиция-переводчика неожиданно ответил:

– Оставайся с детьми, мать. Это последний вывоз советских. Мы отступаем, теперь берегитесь, чтобы не погибнуть от своих.

На следующий день пришло сообщение о том, что тот эшелон был пущен под откос...»

Алла писала самозабвенно. Ощущала себя участницей, видевшей происходящее собственными глазами. Всё существо её находилось во внутреннем движении: то накрывали волны страха, то подхватывали порывы счастья.

Прозвенел звонок. Не тронулась с места, не подняла головы. Писала и писала, не обращая внимания на расшумевшихся одноклассников. Стремилась успеть вылить на бума-

гу переживания до последней капли.

Не заметила, как, вернувшись с перемены, все затихли и вновь углубились в творчество.

– Что ж, товарищи десятиклассники, сдаём работы! – прозвучал голос Фёдора Яковлевича. – Сдаём, сдаём! Скоро придёт десятый «Б». После звонка не приму ни одного сочинения!

Складывая тетради в стопку на учительском столе, ребята возбуждённо покидали класс.

– У меня, наверное, будет два, – сказала Ира по дороге домой.

– Не успела дописать?

– Просто нечего было. У нас в семье никто не воевал и в блокадном Ленинграде не были. От бабушек и дедушек далековато живём. Видимся редко. Дома о войне разговоров никогда не заводили.

– Ну, ты хоть что-нибудь написала?

– Насочиняла чего-то. Лучше бы две контрольных по алгебре решила. Надо родителей заранее предупредить, что выше тройка не будет.

– Может, не стоит? Обойдётся?

– Моим лучше сказать, – с уверенностью ответила Ира. Остановились на развилке.

– Приходи сегодня ко мне? Химию объясню. У тебя, вроде, с задачами проблемы?

– Если не смогу сама решить, то приду, – пообещала Алла

и поспешила к дому.

Войдя в квартиру, она вновь почувствовала холод одиночества. Усилием воли заставила себя переключиться. Переделась в домашнее. Разогрела обед. За едой размышляла: «Вот бы победить в литературном конкурсе, поучаствовать в олимпиаде».

Покончив с насущным, принялась за уроки. Химия – камень преткновения. Решила начать с неё. Глядя в учебник, попыталась сосредоточиться. В очередной раз поймала себя на мысли, что глаза бегут по строчкам, а сознание уносит куда угодно, только не в заданном направлении. Предмет не поддавался.

Алла решительно встала из-за стола, собралась, побежала к подруге.

С верхних этажей подъезда доносилась ругань. Гневный женский голос, вибрирующий на повышенных тонах, порой подбрасывало так, что он переходил в визг. «Кто-то попал под горячую руку», – подумала Алла, искренне сочувствуя провинившемуся.

Резво проскочила последний пролёт до нужной квартиры, остановилась на лестничной площадке. И вдруг поняла, откуда доносились истошные крики. Теперь отчётливо слышалось, как Эмма Владимировна, не стесняясь в выражениях, истерично распекала Иру за четвёрку по геометрии и возможную тройку за сочинение.

Скандал разгорался слишком близко. Алла замерла, сжа-

лась от испуга, будто кричали на неё. Очнувшись от минутного оцепенения, опрометью бросилась вниз по лестнице. Пробежав через двор, остановилась, отдышалась. Пошла медленно, понемногу приходя в себя от невольно подслушанной сцены.

Сознание вновь оживило образ любимого отца, который никогда бы никому не позволил так кричать на дочь. «Оценки – это не главное. Важно – что в голове!» – подбадривал он Аллу, если та переживала за несправедливую оценку.

«Больше никогда не услышу от папы этих слов. С каждым днём я ухожу от него дальше и дальше...» – спица, застрявшая в груди, прокрутилась ещё на один оборот.

«А если бы с Ирой сейчас случилось страшное? Что бы тогда почувствовала её мама? Неужели нужно умереть, чтобы стало понятно, что детей важно просто любить?»

Воспоминания об отце жгли, а смешиваясь с сочувствием к подруге, становились совершенно невыносимы. Алла почувствовала острую необходимость оказаться рядом с мамой – со своей милой, любимой, родной мамочкой.

Глава 13

Наступил день оглашения результатов конкурсного сочинения. Три параллели десятых классов собрались в актовом зале. Фёдор Яковлевич поднялся на сцену и завёл речь о важности темы войны, о патриотическом воспитании, о том, как все серьёзно подошли к подготовке и написанию сочинения.

Алла поняла, что к главному он перейдёт лишь в конце урока, когда завершит пресный пространный монолог. Зал постепенно наполнялся шумом. Ребята болтали о своём, вертелись, противно скрипя откидными стульями, давно ожидающими смазки.

Казалось, учитель не замечал, что его никто не слушает, и продолжал формально исполнять повинность, порученную школьной администрацией в канун важнейшего для страны праздника.

Дежурная речь оборвалась так же нелогично, как и началась больше получаса назад. В воздухе повисла тишина, как магнитом притянувшая внимание.

Фёдор Яковлевич продолжил:

– Все порадовали. Двоек за сочинение нет. Пятёрок много.

Алла оказалась в списке отличников одна из первых. Когда же неожиданно прозвучала фамилия Иры, повернулась в её сторону. Встретила глаза полные удивления.

– А теперь торжественный момент! Мне поручена почётная миссия наградить грамотами самых достойных. Напоминаю, сочинение победителя будет отправлено на областной конкурс, где определятся кандидаты от разных школ для участия в олимпиаде.

Зал замер. Пятёрочников оказалось слишком много. Каждый понимал, что сейчас именно он может получить свой шанс.

– Грамотой за третье место награждается Столбунов Алексей, десятый «Б»! – торжественно произнёс Фёдор Яковлевич и вручил награду под жидкие аплодисменты.

– Второе место присуждено Покровской Алле, десятый «А»! – голос учителя прозвучал ещё более торжественно.

Шума стало больше – класс болел за своих. Но Алла шла на сцену поникшая. Получив грамоту, она вернулась на место, сопровождаемая упадническими мыслями: «Вот я неудачница! Всегда не хватает совсем чуть-чуть: до пятёрки, до первого места, до выбора в комсорги... Интересно, кому же на этот раз «хватило», чтобы меня обойти?»

– Ну, и самые большие поздравления победительнице... – учитель загадочно прищурился, выдержал короткую паузу, добавив интриги, и объявил, акцентируя на каждом слове: – Нуриевой Ирине, десятый «А»!

Ира вскочила с места так, будто в её сторону неожиданно кинули мяч, а она собиралась отбить его головой. Ликуя от нежданной победы, бросилась на сцену принимать поздрав-

ления Фёдора Яковлевича.

Одноклассники недовольно зашептались.

Алла остолбенела. В иной ситуации она непременно порадовалась бы за подругу, но, зная конкретные обстоятельства, была вне себя.

Прозвенел звонок. Ребята, уставшие от нудного урока, спешно покидали зал. Ира догнала Аллу в холле.

– Ты что, Ал? Понеслась, как с цепи сорвалась.

– Раз уж решила поговорить, может, сначала объяснишь, откуда у тебя пятёрка? Снова папочка позаботился? Услышал, что дочурке трояк светит, и сразу договариваться побежал?

– Да ты чё завелась-то? Ну, сходил, денег на ремонт класса дал. А сочинение тут при чём?

– Правда не понимаешь или прикидываешься?! Где твоё комсомольское сознание?! А совесть?! А справедливость, к которой всех призываешь?! Так и будешь на папочке всю жизнь выезжать?! – гневно выкрикивала Алла.

– Ты что, с Луны свалилась? В наше время не подмажешь – не поедешь, – выпалила Ира.

– Видно, поговорочка у вас дома в ходу...

– Кто тут с Луны свалился? – вклинился проходивший мимо разгорячившихся одноклассниц Гоша.

– Иди, куда шёл, – грубо оборвала Ира.

– А не подерётесь, – шутливо добавил парень, ускоряя шаг.

– Кажется, у Ильдара Маратовича партийный билет в кармане? – не могла остановиться Алла.

– И что? Это порицаемо? Твой отец тоже коммунистом был, кажется.

– Нет, не был. Но никогда не ходил за меня просить! Чего сама добилась – всё моё! Знаешь, как мне сейчас нужна эта олимпиада. Я ведь готовилась, в отличие от некоторых!

С последними словами Алла резко развернулась и пошла прочь.

– Ну вот! Так и скажи, что завидуешь! – крикнула Ира вслед.

В негодовании Алла выскочила на улицу, оставив куртку в раздевалке. Огромный школьный двор, прогретый юным весенним солнцем, был полон народа. Детвора высыпала на перемену, стремительно сбегая с крыльца по разбитым ступенькам. Мальчишки и девчонки носились наперегонки. Старшеклассники, собравшись группами, басили, громко хохотали.

Шумно-пёстрое зрелище немного охладило Аллу, но, миновав школьный двор, почувствовала, что внутри снова за бурлило. Вспомнилась недавняя истерика Эммы Владимировны. Теперь подругу было совсем не жалко, даже, наоборот, хотелось сделать побольнее. «Так ей и надо! Сама виновата! Не зря её лупят!»

– Вы чё, с Ирккой поцапались? – раздался голос сзади.

– Гоша-а-а! Напугал! Нельзя так подкрадываться!

Пошли вместе. Аллу буквально разрывало. Сначала она раздумывала, нужно ли поделиться с Игорем наболевшим, но не в силах больше держаться, выплеснула бушующий поток негодования на его суд.

Игорь не перебивал. Только когда Алла выдохнула, сказал серьёзно:

– Сочинение дашь почитать? Тебе ведь выдали?

Ребята свернули к обшарпанному деревянному столику, сколоченному местными мужиками, чтобы по вечерам резаться в домино.

Алла достала из рюкзака тетрадь, протянула Игорю. Тот бросил на стол дипломат, положил её поверх, чтобы не испачкать, стал читать. Алла тихо сидела рядом, не торопила. По сосредоточенному лицу одноклассника видела – отозвалось.

Наконец Игорь оторвался от текста.

– Сильно! – сказал он, немного помолчав. – Жаль, что сочинение не увидят в Области. Это точно – первое место...

Глава 14

Алла смотрела в окно. Под маршевую музыку со всех сторон к центру города устремлялись чёрно-серые потоки однотипных плащей, курток и пиджаков. Редкие вкрапления белых бантов и цветных туфель немного оживляли безликое однообразие. А вот настоящие атрибуты праздника – воздушные шары и кумачовые флаги с торжественно-белыми надписями «Да здравствует 1 мая!» и «Мир, труд, май!» – ярко расцвечивали процессию, создавая приподнятое настроение, которое читалось по бодрой походке и улыбкам на лицах людей, спешивших занять свои места в колоннах трудящихся.

– Аллочка, может быть, тебе всё-таки сто́ит пойти на демонстрацию? – осторожно спросила Екатерина Михайловна.

– Ещё нет сорока дней. Знаю, это дело патриотическое, но точно не для наших. Будут анекдоты травить да ржать. Лучше почитаю.

– А знаешь что? Пойдём-ка в парк! Прогуляемся, головы проветрим. Надо же когда-то отдыхать.

– Точно! Пойдём! – не раздумывая согласилась Алла, уловив на мамином лице долгожданную улыбку.

Взявшись за руки, они неспешно шли по чуть влажной протоптанной дорожке парка, то перешагивая, то обходя вы-

ступающие над землёй причудливые корни.

– Смотри, мам, ящерица!

– А вот крокодил.

– Те, как змеи, переплелись, а головы и хвосты в песок спрятали.

– В земле копошатся, не видят красоты небесной!

Алла вскинула голову. Слепящая синева накрывала пространство ровным полотном без изъяна: ни складочки, ни зацепочки, ни замина. В эту неведомо кем натянутую синь упирались вечнозелёными начёсами сосны-гиганты. Берёзы и рябины не могли достать так высоко, но усиленно тянулись крючковатыми пальцами, хвастаясь изумрудами молодых листочков в огранке из недавно лопнувших почек.

Весеннее ликование отозвалось у Аллы радостным порывом, но скоро природа вновь стала для неё лишь бездушной декорацией.

Побрели по безлюдному парку дальше.

– Мам, почему всё так несправедливо в этом мире? Другие пьют, курят, болеют, но... живут. А папа – он же почти идеальным был, и так рано...

Алла не смогла договорить. Когда произносила вслух слово «умер», испытывала ощущение, что её защёлкивает стальной капкан, и всё тело пронзает нестерпимая боль.

– Папа – удивительный человек. Мы его любим. Мне тоже очень тяжело. Пройдёт ли эта боль? Не знаю. В одном я уверена: если Бог так решил, значит, по-другому нельзя. А

для чего это надо – поймём позже.

Алла остановилась в удивлении.

– Как это? Позже, это когда?

– Конечно, откуда тебе знать? – мама грустно улыбнулась. – Вам же говорят, что Бога нет, а значит, человек умер – и всё. Скажу по секрету: душа остаётся жить, она просто покидает тело и улетает в вечность.

Алла задумалась.

– Историк с издёвкой велел нам передать набожным бабушкам, что космонавты вокруг Земли летали, но никакого Бога там не видели.

– Идеология, доченька. Сами-то партийные руководители втихаря крестятся, детей крестят и даже службы в церквях стоят. Только ездят в глухие деревни, чтобы их не уличили.

Очередное открытие породило в голове Аллы множество вопросов. «Значит, они сами не верят в то, что говорят? Тогда, может, и социализм – враньё? Где же достижения, о которых в газетах пишут и по телику показывают?...»

Алла помотала головой, будто отгоняя мысли.

– Мам, ты обещала о моём крещении договориться.

– Помню. Сразу после того, как мы с тобой посекретничали, попросила коллегу узнать, что да как. Она наведёт справки. Думаю, скоро уже.

Алла облегчённо вздохнула.

«Так, значит, папа жив! – снова и снова думала она. – И я не удаляюсь, а наоборот, с каждым днём приближаюсь к

нему!»

Мысли растекались живой водой, заполняя даже самые потаённые уголки сознания. Цепь с чугунной гирей, болтающейся на шее, с тех пор как папы не стало, вмиг оборвалась. Алла мысленно перешагнула через «грудю металлолома», оставив ржаветь там – на дороге. Выпрямилась, подхватила маму под руку и твёрдо зашагала вперёд возрождённая, вновь устремлённая в жизнь, полную вдохновения и радости...

Из подъезда выскочил взъерошенный Игорь. Нервно потрясая свёрнутой в трубочку газетой, одноклассник едва не сшиб Аллу с ног.

– Здравствуй, Катерина Михална! Алк, привет! Я к тебе поднялся, а дома никого. Хорошо, что всё-таки встретил! – выпалил, переводя дыхание.

– Игорёк, пойдём к нам. Чаю попью, расскажешь, что случилось, – предложила Екатерина Михайловна.

Он с готовностью распахнул подъездную дверь.

– Тут такое, что я сам никак не пойму, – пустился сбивчиво объяснять, поднимаясь по лестнице следом за Аллой.

– Не суетись ты, дома поговорим, – сказала она, стараясь выглядеть спокойной.

Однако нервозность друга начала понемногу передаваться. Пытаясь открыть дверь, Алла не смогла с первого раза попасть ключом в замочную скважину.

– У меня в комнате бардак, – предупредила в прихожей,

скидывая ботики.

– Напугала волка мышью! – усмехнулся Игорь и прошёл в комнату.

Сел на диван, развернул газету.

Алла похватила с мебели разбросанную одежду, запихала в шкаф. Выдвинула узкий ящик письменного стола. Одним движением руки сгребла всё со столешницы, задвинула обратно с победным хлопком.

– Ты как в армии: тридцать сек. – готово дело!

– Не люблю уборкой заниматься. С видного места всё соберу, попрячу с глаз и порядок. Ну, выкладывай, что там у тебя?

– Да Илюха на демонстрацию притащил. Говорит, напечатали сочинение победителя областного конкурса.

Игорь сунул газету Алле. Та выхватила взглядом первую полосу, посвящённую предстоящему Дню Победы. По центру – чей-то рассказ. В правом нижнем углу – коротко о лидерах конкурса.

– И что мне теперь до этого? – удивлённо спросила, скомкав издание.

– Вот и я сначала так подумал. А когда Илюха сказал, что победила Ирка Нуриева, офигел. Думаю, что ж она такого с ног сшибательного накарякала. Глянь, глянь для интереса, – тараторил Игорь, тыча газетой Алле в живот.

Ошарашенная новостью, Алла выхватила её, расправила. Начав читать, воскликнула:

– Да это же моё сочинение! Как так?! Они что, перепутали?!

– Вот и я про то! А теперь внимание – вопрос: перепутали или специально сделали?

– И что же делать, Гош? Маме я не говорила про нашу с Ирой ссору. Теперь, видимо, придётся.

– Наверно. Мне пора. Я своё дело сделал. Дальше сами разбирайтесь.

Игорь ушёл. Алла устроила семейный совет.

Разговор был долгим и болезненным. Екатерина Михайловна то широко открывала глаза, то изумлённо мотала головой.

– Ирочка – такая хорошая девочка... Интеллигентные родители... Где же мораль? Что же происходит с людьми? – бормотала, она пока дочь в лицах представляла сцены из недавнего «спектакля».

Наблюдая за мамой, Алла понимала – та не просто слушает, но что-то решает.

– Не могу понять, как учителя советской школы – идейная основа общества, пошли на такой бессовестный подлог, – в финале истории проговорила Екатерина Михайловна и добавила, накидывая шаль: – Аллочка, я скоро вернусь. Подожди меня дома.

– К Ире собираешься?

– К её родителям.

– Уверена, что надо? Ты же с ними даже не знакома.

– Вот заодно и познакомимся, – твёрдо ответила Екатерина Михайловна, поцеловала дочку в лоб и поспешила на выход.

Алла прошла из угла в угол. Села на диван. Снова встала. Направилась в кухню. Залпом выпила стакан воды. Вернулась. Подняла крышку старенького пианино. Попробовала что-то сыграть. Пальцы не слушались. Оперлась локтями о клавиши. Пронзительный кластер резанул по ушам. Голова, отяжелев, безвольно упала на ладони.

Алла не знала, сколько времени прошло, пока в подъезде не послышалась уверенная поступь. Выбежала в прихожую. Шаги замерли на лестничной площадке. Заскрипел ключ в замочной скважине. Хлопнула соседская дверь.

Алла опустилась на пуфик. Попыталась представить, что сейчас происходит дома у подруги. В голове один за другим мелькали сценарии: «Мама с порога набрасывается на родителей Иры. Нет, она пытается спокойно объяснить всю несправедливость ситуации, а Эмма Владимировна затыкает рот, взвизгивая отвратительным фальцетом. Или, скорее всего, родители Иры беспристрастно и методично излагают маме свою позицию полной правоты...»

И снова шаги в подъезде. На этот раз ключ ворочается в нужном замке.

– Заждалась? – спросила Екатерина Михайловна, показавшись в дверях.

Алла уловила мирные нотки в голосе и успокоилась.

– Познакомилась с Ириной семьёй. Приятные люди. Ильдар Маратович объяснил, что действительно беседовал с учителем по поводу сочинения дочери. Но совершенно не ожидал таких последствий. А ещё обещал завтра же сходить в школу и всё уладить.

– Не верится. Но хорошо бы, – задумчиво пролепетала Алла и почувствовала, как с души отцепилась прищепка.

Глава 15

Утром по дороге в школу Алла вздрогнула от резкого звука клаксона. Обернулась. На обочине проезжей части остановилась чёрная «Волга». Тонированное стекло поползло вниз, постепенно открывая широкое, надменное лицо в очках с толстыми линзами. «Похож на того буржуя с ананасами и рябчиками, чей день последний не за горами», – подумала Алла усмехнувшись.

– Покровская! Аллочка! – густо пробасил человек с надменным лицом, слегка высунувшись в окно. – Я тоже в школу, садись, подвезу.

«Да это же Ильдар Маратович!» – определила по голосу и направилась к машине.

– Здесь совсем близко, я могла бы дойти, – сказала, скромно остановившись у распахнутой дверцы.

– Нет-нет, я непременно хотел бы тебя подвезти.

Алла забралась на заднее сидение.

– Поехали, – распорядился босс и заговорил: – Мне жаль, что всё так вышло. Постараюсь выяснить, по чьей вине произошла эта нелепая ошибка.

Слова прозвучали искренне. Алла даже пожалела, что затеяла разбирательство.

Водитель мягко затормозил возле кованых ворот. Двое вышли из машины. Направились через школьный двор, со-

провожаемые любопытными взглядами детей, спешивших на уроки.

Ильдар Маратович двигался независимой походкой. Расстёгнутые полы кожаного плаща обнажали сияющую белизной накрахмаленную рубашку и широкий галстук, пришпиленный золотой булавкой. В одной руке – чёрный дипломат, другая – в кармане брюк с идеально заутюженными стрелками. Алле, неуверенно семенящей рядом, отец подруги напоминал столичного ревизора, который внезапно нагрянул с проверкой в провинциальную школу.

В холле разошлись: Ильдар Маратович – в кабинет директора, Алла – на лестницу. В пролёте между этажами притормозила. Урок вот-вот должен был начаться, но любопытство взяло верх.

Развернувшись, снова сбежала вниз. Вошла в приёмную. Обнаружив, что секретаря нет, подкралась к кабинету директора и через щёлку в приоткрытой двери стала наблюдать.

При виде спонсора-благодетеля Пётр Петрович вскочил с кресла. Заискивающе улыбаясь, почти подбежал к посетителю, каменное лицо которого подсказывало, что на рукопожатие он не ответит. Директор сбивчиво пролепетал приветствие.

– Потрудитесь объяснить, уважаемый Пётр Петрович, кому пришла в голову крамольная мысль отправить в Область чужое сочинение под фамилией моей дочери?! – грозно начал Ильдар Маратович, бросив на стол вчерашнюю газету.

Директор усталился в статью. Пробежал взглядом.

– Да что вы говорите, Ильдар Маратович? Чужое сочинение? Под вашей фамилией? – замямлил, вытаращив глаза, будто впервые видит издание.

Снял трубку, стал нервно набирать номер.

В приёмной истерично затрещал телефон. Тут же из коридора донеслось цоканье каблучков. Алла отпрянула от двери. Лишь только успела плюхнуться на ближайший стул, как в приёмную вбежала секретарь. На ходу схватила трубку.

– Слушаю, Пётр Петрович, – проговорила запыхавшись.

– Валентина Ивановна, пригласите ко мне классного руководителя десятого «А»! Срочно!

– Сей момент, Пётр Петрович.

Секретарь вылетела пулей. Вскоре вернулась. За ней вприпрыжку следовал бледный Фёдор Яковлевич.

Директор распахнул дверь. Алла изумилась, увидев, как моментально он преобразился, будто сбросил маску подобострастия. Лицо мгновенно приняло угрожающее выражение. Потрясая газетой, директор завопил:

– Фёдор Яковлевич! Как вы могли допустить такое бесчинство!

Бросив первый «камень», он дал учителю пройти в кабинет и наотмашь хлопнул дверью. Та, отскочив, снова осталась приоткрытой.

Алла всё ещё сидела на стуле и не могла видеть происходящего, но всё прекрасно слышала.

Секретарь, прерывисто дыша, промокнула салфеткой лоб. Заметила Аллу. Удивлённо вскинула брови и прошептала:

– Покровская, а ты что тут делаешь? Почему не на уроке?

– Мне к директору нужно, а он занят. Валентина Ивановна, можно я здесь подожду?

– Сиди, если не боишься под «горячую руку» попасть. И знаешь что, когда снова телефон зазвонит, крикни меня, я в соседний кабинет отойду, – заговорщически проговорила секретарь, направляясь к выходу.

Алла, воодушевлённая неожиданным поворотом, тихонько поднялась со стула, снова припала к приоткрытой двери.

Директор бесновался.

– Что о нас скажут в Области? Да мне теперь не усидеть в этом кресле! И поделом! Распустил коллектив! Всё надо самому контролировать!

Он распекал учителя, гневно надувая щёки, морща лоб, стуча кулаком по столу. Фёдор Яковлевич выслушивал, опустив глаза, то и дело нервно двигая очки вверх по переносице.

– При чём тут вы и ваше кресло, Пётр Петрович?! – громогласно вклинился Ильдар Маратович. – Осознаёте ли, кого лишили шанса на победу? Фамилия Покровская вам о чём-нибудь говорит? Девчонка только что отца потеряла! За неё некому просить и некому платить!

Директор смолк перед грозным посетителем, обмяк и, немного съехав с огромного кожаного кресла, словно умень-

шился в размерах. На помощь ему поспешил только что обруганный учитель.

– В-вы же пришли узнать, как И-ирочка сочинение написала, – запинаясь начал оправдываться Фёдор Яковлевич перед отцом Иры. – Н-но если оно из пальца высосано, ч-чем поможешь? А вашу девочку поддержать нужно. В своей-то школе мы п-п-пятёрку поставили, но в область, как такое отправлять? Вот и решили взять лучшее сочинение. Автором, на беду, оказалась Покровская.

– Ну, знаете? Одно дело Ире помочь, но совершенно другое – подлог! Как проблему решать намерены?

Повисла тишина.

– Боюсь, уже ничего не исправить, – трагически произнёс Пётр Петрович, прервав тяжёлое молчание. – На будущее учтём, станем советоваться.

– Если вы вообще останетесь руководить школой! И покажите-ка мне, как класс отремонтировали на мои деньги.

– Ильдар Маратович, уважаемый! Отделка идёт полным ходом, средства осваиваем! Ну, давайте замнём этот инцидент, зачем нам ссориться? Покровская – она безобидная. Никуда не пойдёт. А на вашу Ирочку тень ляжет, если всё откроется.

Ильдар Маратович сидел в задумчивости, потирая подбородок.

– Нужно, чтобы Аллу допустили к участию в олимпиаде. У неё есть какие-нибудь документально подтверждённые за-

слуги?

– Разумеется! Покровская ежегодно в конкурсах чтецов побеждает.

– Подготовьте мне копии грамот, выписку из личного дела и блестящую характеристику. Попробую договориться в ОБЛОНО.

Прозвенел звонок с урока. Подслушивая под дверью, «юная партизанка» выяснила всё, что хотела. Решила больше не испытывать судьбу, юркнула в коридор и смешалась с толпой.

Глава 16

Алла, затрепетав, на мгновение замерла перед величественным зданием института. Набравшись духа, взялась за массивную ручку, потянула на себя. Дубовая дверь не шелохнулась. Дёрнула сильнее. Та слегка приоткрылась, но, потащив хрупкую Аллу за собой, вернулась на место.

«Пятница, тринадцатое... Что-то пошло не так», – пронеслась саркастическая мысль.

– Не хотят пускать?! – задорно прозвучало за спиной.

Оглянувшись, Алла оказалась лицом к лицу с добродушно улыбающимся парнем.

– На олимпиаду? – спросил он, открывая упрямую дверь.

– Как ты угадал?

– Студенты знают секретный код для входа. Тебя не пустили, значит, здесь не учишься. А не местные сегодня только на олимпиаду идут.

От непринуждённого диалога мандраж, мучивший Аллу со вчерашнего вечера, немного утих.

– Случайно, не знаешь, где это будет проходить? – спросила она.

– Пойдём, провожу. Мне в соседнюю аудиторию. Кстати, может, познакомимся уже? – предложил парень, протягивая руку. – Дима.

Алла представилась, отметив крепкое рукопожатие.

Они влились в гудящий студенческий рой, взмывающий по широким обшарпанным ступеням, ограждённым мощными округлыми перилами.

– Если честно, я по-другому представляла себе храм науки.

– Х-ха, обветшала она – наука! Шучу. Это здание в списках культурного наследия. Ремонт бы не помешал. Но учиться здесь ништяк.

В длинном коридоре у одной из аудиторий толпилась молодёжь.

– Тебе туда, – кивнул Дима. – Удачи! – добавил, сворачивая в другую сторону.

Подойдя к месту сбора, Алла остановилась у окна. Там – в зоне высокого напряжения среди десятиклассников из разных школ – на неё с новой силой накатило волнение. «Зря не взяла учебник. Сейчас повторяла бы, чтобы отвлечься».

Стала наблюдать за ребятами, пыталась читать по внешности кто они, и о чём думают.

«Этот точно отличник из приличной семьи, – решила, разглядывая сосредоточенно расхаживающего парня в сером костюме. – А девчонка в углу около урны зашуганная какая-то. Наверное, родители строгие. Боится, что ругать будут, если не справится. Вон как нервно страницы листает, аж руки дрожат. Очки того и гляди на учебник свалятся. Даже не замечает, что волосы в разные стороны торчат, она же всё

время голову почёсывает. А та – зубрила стопроцентная – важной себя возомнила. Тараторит, руками машет. Довольна, что остальные напряглись и в рот смотрят».

Нечаянно оглянувшись, Алла увидела чеканящую по коридору знакомую большую фигуру. «Конечно же! Ира тоже участвует!»

Отвернувшись к окну, чтобы не встретиться с подругой глазами. Однако та подошла.

– Ал, вот видишь, мой отец всё уладил, – сказала Ира виновато. – Кончай дуться... Мир?

Неприятный осадок ещё оставался, но ссора тяготила. «Не буду лезть в бутылку», – подумала Алла и буркнула: – Посмотрим.

Глава 17

Через три часа душная аудитория выплюнула очумевших, красных от напряжения соискателей. Они толпой устремились к выходу, желая быстрее вырваться из застенков «культурного наследия», куда добровольно позволили себя заточить на время испытания.

– Поехали со мной, – предложила Ира. – Отец должен машину прислать.

– Сама доберусь. Я пока не решила, сразу домой или прогуляюсь.

– Как знаешь. Увидимся!

Аллу до конца не отпустило, она ещё не была готова к прежнему общению. Да и стиль жизни Ириной семьи напрягал. Больше уважала позицию своих родителей, которые никогда не использовали служебное положение в личных целях.

Она вышла во двор института. В голове кружили, насканная друг на друга, мысли о только что выполненных конкурсных заданиях. «Верно ли определила в главной или придаточной части содержится рема? Не напутала ли синтаксические функции?» – сомневалась, усевшись на скамейку.

На крыльцо вывалила группа парней. Один, осмотревшись, притормозил и направился к Алле.

«На Диму похож, – подумала она. – Ой, так это ж он и

есть!»

– Ну, что? Справилась? – спросил тот присаживаясь.

– Десять заданий было по русскому и столько же по литре.

Написала всё, но кто знает, так ли.

– Справилась, и хорошо!

– Мне результат важен. Для дополнительных баллов.

– А поступать сюда будешь, в пед.?

– Да. Собираюсь на иняз.

– Я первый курс физмата добиваю. Но буду пробовать перевестись куда-нибудь. В Ленинград, скорее всего.

Алла промолчала, внутри кольнуло при мысли: «Ну вот, только что-то наклюнулось, а он уезжать собрался».

– Мне пора, – сказала, не подав вида.

– Могу проводить.

Алле мечтала это услышать, но, когда Дима предложил, не поверила своим ушам.

– Смотри сам, – ответила с видимым безразличием. – Я собиралась пройтись пешком. Далековато отсюда. Если мерить автобусными остановками, пять наберётся.

– Пф-ф, вот так далеко! К тому же, как говаривал Винни-Пух: «До пятницы я совершенно свободен».

«Настойчивый», – мелькнуло у Аллы в голове, когда Дима, не раздумывая, уверенно пошёл следом. От новой внезапной мысли по спине пробежали мурашки: «А, может, это он и есть – тот парень из сна?»

По дороге Дима охотно рассказывал, какие сюрпризы мо-

гут свалиться на голову при поступлении в институт. Потом о своих планах на ближайшее будущее.

Алла слушала вполуха, больше наблюдала и оценивала, как любая другая девушка, когда чувствует, что возможно — это судьба.

Дима не казался высоким, но крепкое тело вселяло ощущение капитальной устойчивости. Крупные черты лица, ровные брови над глубоко посаженными спокойно-уверенными глазами придавали мужественности.

Аллу привлекла его взрослость и простая, открытая манера общаться. Дима говорил весело, с нотками флирта, но без шутовства. Не вставлял жаргонные словечки, что виделось Алле проявлением уважения. Глубокая прѳпасть лежала между ним и её одноклассниками.

— Ты спорт любишь? — спросил Дима, остановившись у подъезда. — Мы с друзьями часто собираемся в зале на волейбол. Хочешь присоединиться?

— Я бы поиграла.

— Тогда завтра встречу тебя здесь во дворе. Часиков в шесть. Идѳт?

— Если смогу... — ответила Алла, чуть заметно улыбнувшись.

Дима щѳлкнул пальцами, манерно крутанулся на каблуках и зашагал прочь.

Глава 18

Около назначенного времени Алла выглянула в окно. За столиком под детским грибком уже сидел недавний знакомый. Длинная чёлка закрывала лицо – склонившись, Дима что-то читал.

– Кажется, за мной парень зашёл! – с волнением воскликнула Алла, да так громко, что слышала мама.

– У тебя ухажёр?!

– Ну, не знаю пока в полном ли смысле... Вчера познакомилась, – возбуждённо тараторила Алла, забежая в кухню. – Смотри, вон там во дворе сидит! – и игриво добавила: – А ты переживала, мамочка, что у меня – такой скромницы – долго никто не появится.

– Так уж сразу и «появился»? – обеспокоенно уточнила мама, вглядываясь в отдалённую фигуру. – А где он учится? Что за семья?

– Потом расскажу. Мы на волейбол. Не хочу опаздывать на первое свидание, – весело крикнула Алла уже из прихожей; схватила заранее собранную сумку и выскочила за дверь.

«Парнишка выглядит довольно прилично. Спортом занимается, значит – не разгильдяй», – успокоила себя Екатерина Михайловна, и тревога сменилась приятным волнением.

Глядя в окно, слышала, как дочь бегом спускается по сту-

пенькам, и поразились резкой перемене, когда та спокойно вышла из подъезда и степенно, с горделиво поднятой головой направилась через двор. «Хм, откуда у неё эти женские штучки? Вроде никто не учил!»

Алла с Димой проследовали через спортивный зал, где уже разминалась молодёжь, и разошлись по разным помещениям. В женской раздевалке Алла столкнулась с девушкой. Та, поставив ногу на спортивную скамью, зашнуровывала кед. Длинные волосы, собранные в хвост, свисали на одну сторону, заслоняя лицо. «Какая фигуристая», – подумала Алла.

– Привет! – сказала дружелюбно.

Девушка подняла голову. Бросила оценивающий взгляд.

– Привет-привет! – ответила она, и кожа вокруг непропорционально короткого носа морщилась, будто была великовата. – Первый раз на волейбол?

«Ой! Как на мордочку пекинеса смахивает», – усмехнулась про себя Алла.

– Ага, – ответила, доставая из сумки спортивную форму.

– У нас тут своя компания. А тебя кто пригласил?

– Дима.

– Диман?! Купцов?! – подняв бровь, воскликнула девушка.

– Не знаю его фамилии. Давай знакомиться. Я – Алла.

– Марина, – криво улыбнувшись, ответила собеседница и

вышла из раздевалки.

«Высокомерная. Интересно, они все такие? Может, не стоит сюда лезть?» – подумала Алла, но решила остаться, раз уж пришла.

На площадке она быстро запомнила имена ещё троих парней и пятерых девчонок. Профессионалов среди них не было. Погоняли мяч в кругу, перебрасываясь шутками. Марина постоянно задевала Диму. А когда договорились побросать через сетку, демонстративно перешла на противоположную сторону.

– Ты чё, против Купца сегодня играешь? – поддел долговязый Лёха.

– Ему же всё равно, – ехидно ответила Марина.

– Дык ты её позови, Диман. Может, передумает, – продолжал тот.

– Лёх, не сводничай. Маринка – взрослая девчонка. Пусть сама решает.

Играли недолго. Марину «несло». В сторону Димы летели насмешки и подколы:

– Чё-т Купцов сегодня мимо периметра бьёт... Хм, да он и по мячу-то мажет... Вообще прокис – еле ноги волочит...

Дима не реагировал, но обстановка накалялась.

– Хорэ, ребят! Финиш! – подняв сложенные крестом руки, крикнул Лёха. – Какая-то непруха. Есть предложение! Завтра до игры собираемся у меня во дворе. Такую романтику покажу!

Ребята, возбуждённо переговариваясь, потянулись в раздевалки. Марина демонстративно развернулась и, манерно виляя бёдрами, прямо в спортивном костюме направилась к основному выходу.

Алла переодевалась не спеша. «Пусть лучше Дима меня подождёт, чем я его», – думала, аккуратно складывая форму.

Когда вышла, тот уныло стоял в одиночестве, припав плечом к дверному косяку. Но, увидев Аллу, взбодрился и отправился провожать с такой естественной готовностью, словно встречались давным-давно.

Они неспешно побрели по тёмным улочкам. Тусклое свечение редких фонарей распыляло невесомые ареолы на высоте, не желая делиться светом ни с чем приземлённым.

– Дим, а Марина с тобой учится? – спросила Алла.

– Нет, она с художественно-графического. Заметила нашее подвеску на кожаном шнурке? Она сама ваяла из пластики – это такая специальная глина для лепки.

– Да, обратила внимание. Оригинально... А что у тебя с ней?

– Вообще ничего. Она вроде клеится, но – это не моё. Не нравится, когда девушки сами навязываются.

– А каких же ты любишь? Скромниц?

– Вряд ли, – усмехнулся Дима. – С ними скучно.

– Значит, меня скромной не считаешь? – взглянула с кокетливым удивлением.

Дима неожиданно остановился, взял за руки.

– Ал, ты – совсем другое. Ты притягиваешь, – проговорил взволнованно. – Знаешь, сейчас в тусклом отблеске фонарей твои огромные глаза стали цвета индиго. А ещё они излучают какой-то запредельный внутренний свет.

Помолчал, не отрывая взгляда. Прошептал:

– Можно...?

Не договорив и не дожидаясь ответа, потянулся к её губам. Нежно прикоснулся. Через мгновение решительно обнял за плечи, стал долго и страстно целовать.

Алла чувствовала, как срывается и стремительно летит в пурпурную бездну, но подхватывают мириады искрящихся фей и несут по невидимой спирали, устремляющейся вверх, и кружат, кружат в фантастическом танце где-то за гранью бытия. По краю этой феерии скользила одна лишь мысль: «Кажется, это и есть тот незнакомец из волшебного сновидения».

Когда порыв страсти утих, заморгала, словно очнувшись.

– Ты же теперь... моя девушка? – неуверенно спросил Дима.

– Если бы я так не считала, не позволила бы к себе прикоснуться, – прошептала Алла и увидела, как у него не только заблестели глаза, но весь засветился.

Продолжили путь.

– Ты раньше целовалась? – спросил Дима. – Можешь не отвечать. Знаю, что нет.

– А ты, похоже, в этих делах не новичок! – приподняв

бровь, вызываяще воскликнула Алла.

– Хм, и в других тоже, – Дима многозначительно улыбнулся и подмигнул.

Она взглянула широко распахнутыми глазами.

– Отец в институте преподаёт физику. Я там класса с седьмого обитаю. Всё под маленького косил. Старшекурсницы надо мной «шефство» взяли. И до того доигрались, что я сначала с одной пару месяцев спал, а потом с другой полгода встречался. Из чистого интереса, понятно.

От такой бравады и подробностей юноши, возмнившего себя мужиком, Алла смутилась.

– Ну, ты чего? – Дима легонько дёрнул её за руку. – Зато со мной не страшно будет в первый раз. Я тебя всему научу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.